НХ
1220
Руб
5к

А. Д. Сукова?

М. М. РУБИНШТЕЙНЪ.

Соціализмъ и индивидуализмъ.

Ц. 75 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ А. М. МИХАЙЛОВА.
Моховая, уг. Тверской, д. Варваринскаго Акц. О-ва.
Телефонъ 1-20-95.

5

М. М. РУБИНШТЕЙНЪ.

Соціализмъ и индивидуализмъ.

Ц. 75 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ А. М. МИХАЙЛОВА.
Моховая, уг. Тверской, д. Варваринскаго Акц. О-ва.
Телефонъ 1-20-95.

„Пров 38“

Авторъ былъ вынужденъ въ 1909 г. замѣнить это **дѣйствительное** *заглавіе его книги заглавіемъ* **„Идея личности какъ основа міровоззрѣнія“** *по прежнимъ цензурнымъ условіямъ.*

БИБЛІОТЕКА
720
28

МОСКВА.
Типографія **„Печатный Трудъ“.** Моховая, 28. Телефонъ 2-92-98.
1909 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . стр. 1.

I. Соціализмъ какъ міровоззрѣніе . . . . . „ 4.

II. Идея цѣнности личности какъ необходимая предпосылка соціализма . . . . . „ 19.

III. Идея цѣнной личности и индивидуализмъ . . „ 30.

IV. Индивидуалистическій хозяйственный строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности „ 44.

V. Коллективизмъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности . . . . . „ 58.

VI. Идея цѣнной личности и діалектическій методъ „ 80.

VII. Историческая необходимость и вопросъ о свободѣ воли . . . . . „ 99.

VIII. Идея цѣнной личности и идеалы . . . . . „ 108

IX. Свободная любовь и свободная нравственность „ 111.

X. Идеалъ эмансипаціи съ точки зрѣнія цѣнной личности . . . . . „ 121.

XI. Истинная дѣйствительность . . . . . „ 123.

Введеніе.

„Если нѣтъ никакой надежды на громадный прогрессъ въ состояніи большей части человѣчества, то я съ радостью привѣтствовалъ бы приближеніе благодѣтельной кометы, которая бы смела всю исторію".

Гукслей.

Существенная сторона трагедіи современной интеллигенціи заключается въ значительной степени въ томъ, что вѣковая массовая жизнь вынесла на своихъ плечахъ небольшую группу личностей, которая по своимъ воззрѣніямъ, идеаламъ, запросамъ ушла настолько далеко въ высь, что рискуетъ потерять изъ виду ту почву, которая породила ихъ и въ которой глубоко погружены всѣ питательные корни этой группы. Съ каждымъ шагомъ впередъ на почвѣ культуры по направленію къ своимъ цѣнностямъ культурная личность все больше растягиваетъ ту нить, которая связываетъ ее съ дѣйствительностью и рискуетъ перервать ее. Голова въ небесахъ, а ноги погрязли въ внѣшне-культурной, внутренне-почти животной жизни массы. Въ этомъ смыслѣ чело-

вѣчество, а въ особенности сознаніе культурной личности раздирается на части живьемъ. И чѣмъ культурнѣе сознаніе, тѣмъ больнѣе отзывается на немъ эта дисгармонія въ жизни человѣчества. Напрасно было бы указывать на ослѣпительные успѣхи культуры, въ особенности на техническіе успѣхи нашего вѣка. Намъ ни на минуту не слѣдуетъ обманывать себя относительно степени культуры нашего времени. Внѣшняя обстановка, колоссальные города, пышные дворцы, галлереи музеи, литература, современная техника,—однимъ словомъ всѣ тѣ чудеса, которыми гордится человѣчество, это за небольшимъ исключеніемъ только блестящая мишура, которая легко обманываетъ массу, невнимательнаго наблюдателя, вознося насъ „царей природы“, на головокружительную высоту мнимой культурности. Но стоитъ только намъ вглядѣться въ современную культурную жизнь, набраться мужества заглянуть за кулисы современнаго культурнаго міра,— какъ васъ обдастъ нестерпимою мразью отвратительной атмосферы звѣриныхъ инстинктовъ, передъ вами развернется тогда картина низкаго духовнаго уровня, грубыхъ вкусовъ и инстинктовъ, которые низводятъ людей на степень животныхъ, атмосфера физическаго и духовнаго разврата, утонченнаго грабежа, господства грубѣйшихъ похотей, ради удовлетворенія которыхъ люди не останавливаются передъ убійствомъ—хотя бы видоизмѣненнымъ и медленнымъ сотенъ и тысячъ себѣ подобныхъ. Мы не станемъ останавливаться долго у этой картины. Пусть читатель только для поясне-

нія внимательнѣе приглядится къ т. н. „трезвой, реалистической“ политикѣ старой развратницы Европы, наприм., хотя бы достойное лучшей участи спокойствіе и невозмутимость, съ какой она мирилась и мирится съ звѣрствами, которыя совершаются надъ армянами, евреями, туземцами въ колоніяхъ и т. д. И отрадные факты, которыми такъ бѣдна жизнь человѣческихъ обществъ въ массѣ, какъ бы тонутъ въ этомъ океанѣ слезъ, безобразія и лжи; тамъ, гдѣ они еще мелькаютъ на поверхности, они какъ будто еще больше оттѣняютъ въ культурномъ сознаніи всю боль возникшаго разлада и мучительное страстное стремленіе къ полной развитой гармоніи. Невольно начинаешь, глядя на все это, думать, что мы уже вовсе не такъ далеко ушли отъ культурнаго періода свайныхъ построекъ по цѣнности нашего нравственнаго и духовнаго уровня въ массѣ. И чѣмъ культурнѣе сознаніе, тѣмъ громче слышатся ему раздирающіе вопли и стоны той самой массы, которая больше инстинктивно рвется къ свѣту, на которую и пришлось уже натянуть плохо скроенный костюмъ европейцевъ, но которая по прежнему недалеко ушла отъ животныхъ. Потому что тѣ цѣнности, которыя мы объединяемъ подъ названіемъ *истинной* культуры, остаются для массы или вовсе чуждыми или знакомы ей только по наслышкѣ.

Такимъ образомъ совокупность всѣхъ цѣнностей высоко развитого культурнаго сознанія оказывается чѣмъ-то въ родѣ идеально-краснаго творенія искусства, которое вправлено въ омерзи-

тельно безобразную раму,—божественно-красивой статуей, на которую натягиваютъ дегтемъ смазанные сапоги, черноморскіе шаровары и т. д. и выставляютъ ее на поруганіе темной массы. И каждый комъ грязи, каждое поношеніе взглядомъ, мыслью, движеніемъ горько, болѣзненно отзывается въ сознаніи творца этихъ цѣнностей, культурной личности, и рветъ въ его душѣ безжалостной рукой тѣ струны, которыя могли бы слиться въ полный, могучій рядъ аккордовъ.

Глубокій трагизмъ все повышающагося прогресса и культуры и заключается въ самомъ критеріи этой культуры, именно въ возможности опредѣленія степени культуры ея кульминаціоннымъ пунктомъ. Въ этомъ сказывается тотъ фактъ, что здоровое сочетаніе качества съ количествомъ оказалось разодраннымъ, и человѣчество вступило въ періодъ культурной авантюры, на подобіе политической, когда власть имущіе стремятся безъ удержу къ расширенію границъ государства, не заботясь о его внутреннемъ укрѣпленіи. Разрывъ между качествомъ и количествомъ въ культурѣ уже начинаетъ ощущаться съ все большей силой и человѣчество должно искать исхода изъ этого разрыва на пути возстановленія нарушеннаго равновѣсія между качествомъ и количествомъ въ культурномъ развитіи.

Мятущееся сознаніе современной интеллигенціи ищетъ выхода изъ этого царства безконечныхъ диссонансовъ и съ жадностью бросается на всякое явленіе, которое ему кажется достаточно

могущественнымъ, чтобы создать ему царство гармоніи. Такимъ спасителемъ въ нашу эпоху представляется соціализмъ, и именно съ этой точки зрѣнія интересовъ культурной личности мы и обратимся къ нему,—не какъ къ объекту политико-экономическаго изученія, а къ его принципамъ, къ его философіи, болѣе того—мы сконцентрируемъ все наше вниманіе на одномъ вопросѣ, а именно на вопросѣ о томъ, какое мѣсто занимаетъ въ немъ цѣнность личности и что обозначаетъ для культурной личности соціализмъ. Если намъ удастся только поднять этотъ вопросъ, бросить на него новый лучъ свѣта, хотя бы съ одной стороны, то и этимъ будетъ уже достаточно оправдано появленіе этого произведенія. Потому что передъ нами вопросъ глубокой важности, вопросъ о жизни или смерти личности и потому онъ заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этой проблемы, мы можемъ спокойно оставить въ сторонѣ разнообразныя теченія въ соціализмѣ и будемъ считаться съ его общей идеей, игнорируя тѣ спеціальные техническіе пути, по которымъ соціализмъ долженъ будетъ пойти, чтобы провести свою цѣль въ дѣйствительность. Эта общая идея чище и плодотворнѣе всего выразилась въ марксизмѣ и его носительницѣ соціалдемократіи. Поэтому марксизмъ и является для насъ конкретнымъ факторомъ, который мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду, говоря о соціализмѣ и коллективизмѣ.

I.

Соціализмъ какъ міровоззрѣніе.

Въ теоріи соціализма, которую, какъ мы уже замѣтили выше, мы разсматриваемъ въ данномъ случаѣ съ точки зрѣнія культурной личности и ея интересовъ, совершается глубокій переломъ. Наивная и грубая теорія матеріализма могла психологически хорошо подходить по своей рѣзкости и склонности къ отрицанію, къ боевымъ цѣлямъ соціализма, потому что соціализму на первыхъ порахъ предстояла грандіозная работа отрицанія. Но теорія соціализма въ своемъ собственномъ развитіи обнаружила слишкомъ малую дозу той самой эволюціонности, которую она санкціонировала какъ абсолютный принципъ міропониманія. Теорія и практика пошли въ разбродъ. Идеализмъ въ практической работѣ далеко не гармонируетъ съ матеріализмомъ въ теоріи. Практика и теорія оказываются теперь рѣшительно несогласимыми и противорѣчащими другъ другу во многихъ своихъ частяхъ. Соціализмъ все болѣе угрожаетъ утратить основную тенденцію въ своемъ прежнемъ характерѣ,—тенденцію стать цѣльнымъ міровоззрѣніемъ,—и превратиться въ политическую теорію только партіи, которая защищаетъ интересы одной, хотя и многочисленной группы лицъ. Соціализмъ на нашъ взглядъ стоитъ теперь на перепутьи: либо удержать свои историческіе пережитки и тогда стать только партіей,

защищая интересы только одного класса, либо отбросить ихъ и развернуться въ цѣльное міровоззрѣніе, ставъ носителемъ великой идеи общечеловѣческаго будущаго. Послѣдній путь повелительно диктуется основнымъ характеромъ соціализма и только на этомъ пути личность можетъ пробиться къ гармонизированной дѣйствительности.

Первой и основной преградой на пути къ міровоззрѣнію является матеріализмъ какъ міровоззрѣніе. Если прежде, въ пору нарожденія соціализма какъ широкаго массового теченія, этотъ философскій взглядъ и рѣзкое выдѣленіе экономическаго фактора какъ единственнаго фактора исторіи могло имѣть свое достаточное основаніе, то тѣмъ больше чувствуется нужда теперь освободиться отъ безграничнаго преувеличенія этихъ заношенныхъ факторовъ и тѣмъ менѣе доводить дѣло до подчиненія имъ и ломки ради нихъ основного характера соціализма. Они представляютъ собой могучее средство найти путь къ сердцу и разуму задавленной и забитой массы, но ихъ значеніе исчерпывается въ значительной степени этою практическою и служебною ролью. Признавая экономическій факторъ основнымъ, нельзя забывать, что это не исчерпывающее начало; что въ немъ меньше всего гарантіи за достижимость цѣльнаго міровоззрѣнія, которое теперь составляетъ основной вопросъ жизни культурной личности: соціализмъ долженъ развернуться въ широкое міровоззрѣніе. Нужно свергнуть деспотію зазнавшихся средствъ и дать пол-

ный просторъ развитію теоретическихъ зародышей, заложенныхъ въ соціализмѣ. До сихъ поръ теорія была на службѣ у практики. Теперь дѣло идетъ о внутреннемъ освобожденіи, освобожденіи глубокой важности, о созданіи гармоніи теоріи и практики. Таково основное требованіе личности. Нужно сбросить цѣпи догматическаго консерватизма, съ какимъ соціализмъ держится за свои традиціи, чтобы сдѣлать его способнымъ выдержать и теоретическую, философскую борьбу на основѣ современныхъ научныхъ данныхъ съ его серьезными противниками. Теперь, когда горячій пылъ и разгоряченность геройской борьбы небольшой группы лицъ съ безбрежнымъ моремъ противниковъ отошли въ область прошедшаго, когда идея соціализма развернула его въ могучее теченіе колоссальной исторической важности, наступилъ моментъ, когда нужно съумѣть встать на міровую, общечеловѣческую точку зрѣнія не только инстинктомъ, но и сознательно, не только на практикѣ, но и въ теоріи. Надо подняться надъ узко-классовымъ уровнемъ и узрѣть общечеловѣческое, сбросить съ себя власть боевой практической атмосферы,—поскольку дѣло идетъ о теоріи, освободиться отъ раздраженія воюющихъ сторонъ. *Для мірового теченія нужна міровая точка зрѣнія*. Нужно научно-философское обоснованіе соціализма какъ міровоззрѣнія, вся сущность котораго неудержимо гонитъ къ этическому идеализму.

Современная соціалистическая теорія страдаетъ недоговоренностью и философской непо-

слѣдовательностью во многихъ отношеніяхъ. Мы не думаемъ давать здѣсь исчерпывающаго разбора всѣхъ этихъ вопросовъ и ограничимся только скромной задачей указать на тѣ невыясненныя или противорѣчивыя на нашъ взглядъ проблемы, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросу о цѣльномъ міровоззрѣніи и положеніи цѣнной личности въ соціалистическомъ міровоззрѣніи.

И прежде всего передъ нами встаетъ вопросъ о будущемъ. На этотъ вопросъ нерѣдко получается отвѣтъ, что вопросъ направленъ не по адресу: прежній утопическій соціализмъ могъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ строить радужныя картины будущаго; современный-же *научный* соціализмъ видитъ свою задачу въ познаніи хода развитія исторической жизни и предвидѣніи обоснованнаго имъ грядущаго. Но, вѣдь, это далеко не все. Не говоря уже о той помощи, которую соціалисты собираются оказывать „*необходимому*“ историческому процессу, они проявляютъ за невозможностью или незначительностью своего участія извѣстное сочувствіе, желаніе этого будущаго. Такимъ образомъ это будущеее превращается въ *цѣнность*. Оно для насъ далеко не безразлично, потому что, говоря прямо, оно является нашимъ *идеаломъ*. Поэтому это будущее —именно потому, что оно цѣнность, нѣчто желанное,—требуетъ опредѣленія, распознанія. То механизированіе соціализма, которое получается въ результатѣ у чрезмѣрно натурализирующихъ исто-

рическій процессъ теоретиковъ соціализма, обрываетъ въ сущности у соціализма тѣ крылья, которыя несутъ всю практику и успѣхъ соціализма. Соціализмъ весь проникнутъ молодымъ, пламеннымъ, необузданнымъ духомъ борьбы за лучшее будущее. Каждое слово, каждый штрихъ соціалистической теоріи указываетъ намъ на будущее, требуетъ энергичной, немедленной борьбы съ настоящимъ ради будущихъ цѣнностей, требуетъ всесокрушающаго духа отрицанія, но опять таки, чтобы очистить мѣсто будущему. Онъ требуетъ широкой творческой работы, напряженія всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ и уже для одного уразумѣнія его теоріи онъ зоветъ человѣка подняться на извѣстную высоту развитія, откуда ему могъ бы открыться широкій горизонтъ великаго будущаго. Соціализмъ это ученіе дѣятельности по преимуществу. Соціализмъ и борьба, т. е. *идейная,* направленная на цѣнности дѣятельность—не раздѣлимы. Но борьба и идейная борьба требуетъ сознательныхъ цѣлей, цѣнностей. Ихъ-то соціализмъ или не даетъ, или-же, выставляя ихъ, прорываетъ узкія рамки матеріализма и остается въ долгу передъ культурнымъ сознаніемъ, которое ждетъ отъ него теоретическаго обоснованія права выставлять такія цѣнности. Этого права у соціализма и не можетъ быть, пока онъ держится матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Для цѣнной личности въ современномъ соціализмѣ такимъ образомъ теоретически не хватаетъ самаго главнаго. При всякой попыткѣ от-

дать должное сущности соціализма, исходить послѣдовательно изъ основного, принципіальнаго характера этого ученія и изъ этого кристально-чистаго идеалистическаго источника пробиться къ цѣльному, гармоничному міровоззрѣнію,—идейное ядро соціализма приносится въ жертву матеріализму. Соціализмъ подстригается подъ грубую гребенку матеріализма, который не способенъ ни охватить самой цѣнной области человѣческаго я, наприм. этики и исторіи, ни удовлетворить его самыхъ насущныхъ потребностей въ *дѣятельномъ* міросозерцаніи, для котораго нужны цѣнности, идеалы, нормы. Это можетъ дать только идеалистическое міровоззрѣніе. Даже тѣ, кого уже матеріализмъ не удовлетворяетъ больше, подъ вліяніемъ того же гипноза прошлаго,—вѣдь матеріализмъ выступилъ въ качествѣ перваго протестанта противъ историческихъ традицій, и это ставится въ заслугу его сущности,—берутся за системы, въ которыхъ фигурируетъ тотъ-же матеріализмъ, но въ подчищенной съ научной точки зрѣнія формѣ.

Мы все время пользуемся терминомъ „идеализмъ“ и спѣшимъ здѣсь же во избѣжаніе недоразумѣнія предпослать въ поясненіе этого термина нѣсколько словъ. Мы далеки отъ мысли звать къ традиціонному метафизическому идеализму, который признавалъ транцендентное бытіе и направлялъ на него свои познавательныя силы. Въ этомъ смыслѣ мы—антиметафизики [1])

[1]) См. мою статью „Генрихъ Риккертъ“ Вопросы философіи 1907 г. I кн.

и думается намъ, въ большей степени, чѣмъ чистые матеріалисты, у которыхъ это обсолютное въ видѣ матеріи является не чѣмъ инымъ какъ самымъ неприкрашеннымъ гостемъ изъ міра трансцендентнаго бытія. Наши марксисты самыхъ разнообразныхъ порядковъ все по прежнему рубрицируютъ всѣ философскія теченія въ двухъ направленіяхъ: на ученія, которыя утверждаютъ первенство субъекта передъ объектомъ, духа передъ матеріей — „идеализмъ“ (проще — спиритуализмъ), и ученія, которыя настаиваютъ на „дѣйствительности міра, т. е. на первенствѣ матеріи. Въ такомъ духѣ пишетъ Энгельсъ, Бельтовъ, не говоря уже о г-жѣ Аксельродъ и массѣ соціалистической интеллигенціи. П. Юшкевичъ призналъ эти ученія въ широкомъ смыслѣ слова двумя полюсами, „около которыхъ вращается вся философская мысль“. Нельзя не удивиться, съ какимъ консерватизмомъ соціалистическіе круги держатся за устарѣлыя теоріи и предетавленія, какъ незначительна ихъ способность эволюціонировать на ряду съ мѣняющимися фактическими и научными условіями. До крайности простая группировка въ выше приведенномъ вкусѣ оказывается теперь въ особенности слишкомъ узкой, примитивной: одни изъ самыхъ интересныхъ теченій современной философской мысли абсолютно не укладываются въ это съ философской точки зрѣнія прямо таки ужасное Прокрустово ложе. Какъ примѣръ приведемъ теоретико-познавательный идеализмъ Риккерта, который мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, отстаивая идеализмъ; это міровоззрѣніе, не

лишая насъ необходимаго для личности какъ воздухъ міра цѣнностей, обладаетъ несравненно большей дозой антиметафизичности—непризрачной, а дѣйствительной, и большимъ эмпиризмомъ, чѣмъ всякаго рода не идеалистическія ученія, а тѣмъ болѣе матеріализмъ, потому что это міровоззрѣніе видитъ дѣйствительность во всемъ богатствѣ и при томъ въ *живомъ* богатствѣ, не атомизированномъ и умерщвленномъ научнымъ объясненіемъ:—во всемъ богатствѣ непосредственно переживаемаго міра [1]).

Еще непонятнѣе упреки новокантіанству въ томъ, что онъ превращаетъ дѣйствительность въ грезу. Ни заявленія самого Канта, ни его „опроверженіе идеализма“ (Беркли), ни комментаріи современныхъ новокантіанцевъ не трогаютъ нашихъ теоретиковъ соціализма. „Die Erfahrung, говоритъ Кантъ, ist nicht Schein, sondern Ersheinung. Sie ist die einzige Erkenntnis, die wir haben, nur durch Erfahrung lernen wir die Wahrheit erkennen. Jenseits der Erfahrung giebt es keine Erkenntnis, dort hat man nichts zu suchen“ [2]).—Но на плечахъ соціализма попрежнему тяготѣетъ это непостижимое недоразумѣніе, мѣшая ему развиться въ цѣльное жизнеспособное, жизнеохватывающее міросозерцаніе. И его не бу-

---

[1]) Подробнѣе см. „Генрихъ Риккертъ“ Вопросы Философіи 1907 г.

[2]) „Опытъ не видимость, а явленіе. Онъ—единственное познаніе, которое у насъ есть, только путемъ опыта познаемъ мы истину. По ту сторону опыта нѣтъ познанія, тамъ нечего искать“.

См. наприм. также „Пролегомена“ Канта. Перев. Вл. Соловьева изд. 2-е стр. 181.

детъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ свергнуто теоретическо-догматическое самодержавіе догмы и не раздастся призывъ къ свободѣ непредубѣжденной творческой научной мысли.

На пути къ цѣльному міровоззрѣнію крупной помѣхой является та поспѣшность и консерватизмъ, съ какими современный соціализмъ иногда дѣлаетъ обобщенія изъ единичныхъ фактовъ и держится за нихъ какъ за аподиктическія истины. Рухнула идеалистическая система, и соціализмъ твердо убѣдился въ неустойчивости всѣхъ идеалистическихъ системъ. Если Марксъ и Энгельсъ упрекали [1]) т. называемый нѣмецкій или „истинный“ соціализмъ въ томъ, что онъ вмѣсто „истинныхъ потребностей“ выдвинулъ „потребности въ истинѣ“, вмѣсто интересовъ пролетарія—интересы человѣческого существа, человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова, не принадлежащаго ни къ какому классу, то на современныхъ соціалистовъ—теоретически во всякомъ случаѣ — падаетъ въ полной силѣ упрекъ, что они повинны въ другомъ грѣхѣ, а именно въ томъ, что за истинными потребностями они отодвинули назадъ потребности въ истинѣ, что за защитой труда соціалисты забываютъ общечеловѣческіе идеалы, за пролетаріемъ-человѣка. И это великій грѣхъ для ученія, которое хочетъ быть цѣльнымъ міровоззрѣніемъ. Съ такими идеалами соціализмъ становится для культурной личности незначительной, служебной величиной; въ этомъ случаѣ онъ долженъ будетъ

[1]) Марксъ и Энгельсъ „Философія Исторіи“. Изд. Молота стр. 27.

свестись на роль *только* политической партіи и отказаться отъ всякихъ претензій на роль провозвѣстника новаго міра, *новаго міровоззрѣнія*.

Межъ тѣмъ истина лежитъ въ синтезѣ обѣихъ потребностей, потому что безъ потребностей въ истинѣ теряютъ свою цѣну и смыслъ и истинныя потребности. Если у нѣмецкаго соціализма не хватило дѣйствительной подкладки и жизненныхъ соковъ для защиты и сохраненія этого идеала, то это ровнымъ счетомъ ничего не говоритъ противъ этихъ потребностей. И это тѣмъ болѣе, что эти потребности не только не мѣшаютъ другъ другу, а, какъ мы постараемся показать позже, наоборотъ обусловливаютъ другъ друга.

Въ этомъ противопоставленіи потребностей въ истинѣ истиннымъ потребностямъ сказалась въ сущности все та-же старая непримиримая вражда „земли и неба“—конечно въ переносномъ смыслѣ. И современный соціализмъ имѣетъ пока роковую тендецнію подъ флагомъ сведенія неба на землю уничтожить первое и не дать того, въ чемъ насущно заинтересована культурная личность. Этотъ вопросъ, именно въ интересахъ цѣнной личности, которая насъ здѣсь интересуетъ, заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Тотъ дуализмъ „неба и земли“, о которомъ такъ много говорилось и говорится въ нашей литературѣ, правильнѣе то сведеніе неба на землю, которое ставится задачей пролетарскаго движенія, можетъ быть понятно двояко: или подъ небомъ понимаютъ идеалы, цѣли, нормы, цѣнности, но тогда съ уничтоженіемъ неба неминуема смерть

и самого соціализма, какъ мы увидимъ позже; или же подъ небомъ понимаютъ трансцендентный, потусторонній міръ духа,—спиритуализмъ, на основаніи все того-же младенчески-философскаго подраздѣленія,—и тогда у соціализма есть могущественный предшественникъ и союзникъ: это—*Кантъ* и новокантіанцы, изъ которыхъ первый, думается намъ, разъ навсегда покончилъ съ наивнымъ утвержденіемъ трансцендентнаго бытія. Въ новокантіанствѣ это ярче всего выразилось въ гносеологическомъ идеализмѣ.

Но они не остановились на этомъ. Небо въ первомъ смыслѣ,—въ смыслѣ міра цѣнностей,—нужно личности и прежде всего соціализму какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Міръ цѣнностей и міръ фактовъ; міръ того, чего нѣтъ, но что должно быть, и міръ того, что есть, но чего не должно быть,—это два полюса, это положительное и отрицательное электричество. Для тока жизни, дѣятельности нужны оба міра. Въ этомъ дуализмѣ должнаго и существующаго кроется жизненный, но еще не опознанный нервъ всякой дѣятельности и тѣмъ болѣе соціализма. Задача же человѣчества идти отъ міра фактовъ къ міру идеала и въ этомъ направленіи вершить ихъ синтезъ путемъ все большаго осуществленія цѣнностей. Въ этомъ новокантіанскомъ синтезѣ „земля“ и „небо“ не огонь и вода, какъ это получается при наивномъ рубрицированіи философскихъ воззрѣній, а необходимые, обусловливающіе другъ друга и ихъ синтезъ факторы.

Въ интересахъ того-же стремленія сознанія

культурной личности къ гармоничному міровоззрѣнію необходимо обратить вниманіе еще на одну черту, которая стоитъ на пути здороваго развитія. Въ соціалистической литературѣ то и дѣло попадается выраженіе „пролетарская философія“, „пролетарская правда“ и т. д. Самъ по себѣ этотъ фактъ могъ бы считаться безобиднымъ, если бы въ немъ не была заложена богатая возможность впасть въ роковое заблужденіе, потому что все это скверные симптомы философской захудалости, обнищанія мысли, все та-же наклонная плоскость, по которой соціализмъ угрожаетъ скатиться отъ великаго провозвѣстника будущаго, отъ цѣльнаго міросозерцанія къ „только политической партіи“, къ сектѣ, вообще къ съуженной формѣ самодовольной ограниченности. Есть *одна* правда, есть *одна* философія, есть только *одна* истина, если она вообще не отрицается, и тогда она не пролетарская, а общечеловѣческая,—больше: она истина и имѣетъ силу внѣ всякой зависимости отъ бытія. Соціализмъ долженъ искать не пролетарской философіи [1]), не правды секты, а единую правду какъ таковую, иначе его рѣчи о познаніи—нуль. Это не значитъ, что мы хотимъ абсолютировать какую-либо систему. Нѣтъ. Это значитъ только, что всѣ системы выражаютъ для насъ страстную попытку познанія единой вѣчной правды, безъ которой нѣтъ смысла въ стремленіи къ познанію. Все это болѣе или менѣе удачныя, индивидуально

[1]) См. наприм. Андреевъ «Соврем. Міръ», 1907. Ноябрь.

окрашенныя пониманія этой правды, но всѣ они одинаково дышатъ глубокой вѣрой въ возможность единой вѣчной истины. Правда объективно должна быть одна для всѣхъ, и если пролетарій или буржуа поймeтъ это иначе, то тѣмъ хуже для него.

И пусть намъ не кажется, что мы въ данномъ случаѣ разбираемся съ принципами, которые лишены практическаго значенія. Соціализмъ долженъ стать міросозерцаніемъ, или его совсѣмъ не будетъ; а для этого ему не хватаетъ согласованной во всѣхъ своихъ частяхъ теоріи и практики. Онъ долженъ пробивать себѣ дорогу, завоевывать міръ. И среди самыхъ сильныхъ его соперниковъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія являются современныя религіозныя ученія съ ихъ духовною проповѣдью. Они могутъ попасть въ самое больное мѣсто соціализма: онъ теоретически оставляетъ совершенно неудовлетвореннымъ дѣятельный духъ человѣка, который не утишить никакими историческими необходимостями:—онъ можетъ найти удовлетвореніе только въ разумной необходимости, которая зиждется на оцѣнкѣ и свободномъ выборѣ—свободномъ, конечно, не отъ причинности, а только отъ „законовъ природы“. Если крупнымъ недостаткомъ современныхъ религіозныхъ ученій является то обстоятельство, что они учатъ только умирать и жить для смерти, что они игнорируютъ *землю*, то соціализмъ подъ страхомъ гибели долженъ освободиться отъ другого, не менѣе крупнаго грѣха: отъ игнорированія *неба* въ смыслѣ идеаловъ, цѣн-

ностей, царства цѣлей. Вся сущность его требуетъ, чтобы онъ сталъ міровоззрѣніемъ дѣятельнаго духа, или онъ обрекаетъ себя въ будущемъ на полное безплодіе и разрушеніе. Пока человѣкъ кружится въ водоворотѣ горячей повседневной борьбы, онъ какъ будто не требуетъ признанія себя какъ дѣятельной, руководимой сознательными цѣлями, автономной личности, а не только рабомъ естественной необходимости. Но это объясняется просто тѣмъ, что практическая работа не даетъ ему времени опознать свою теорію, свое credo и,—и это самое главное,—даетъ сама собой, по чувству, хотя и безсознательно, удовлетвореніе этой необходимой потребности личности чувствовать и *знать* себя какъ дѣятельное, автономное „я". Но проходитъ угаръ практической работы, наступаетъ время, когда затихаютъ инстинкты, и тогда вступаетъ уже непреклонно въ свои права требованіе *ясно сознанной* гармоніи теоріи и практики. Чѣмъ дороже намъ земля, тѣмъ менѣе мы можемъ отказаться отъ неба. Намъ нуженъ ихъ синтезъ, ихъ полная гармонія: первое какъ бытіе, матеріалъ и сфера нашей жизнедѣятельности, второе какъ долженствованіе, норма, какъ идеалъ. Тогда настоящей дѣйствительностью станетъ тотъ міръ, который признавалъ за дѣйствительность Гегель [1]) Это міръ постоянно и безконечно осуществляющихся цѣнностей. Только въ постоянномъ осуществленіи цѣнностей человѣкъ можетъ

[1]) См. „Вопросы философіи и Психологіи" 1905 V. стр 730 и сл.

найти себѣ удовлетвореніе, потому что въ этомъ случаѣ онъ сознаетъ себя какъ дѣятельную *цѣнную личность*, стремясь къ осуществленію міра должнаго, онъ даетъ и бытіе и всѣми фибрами своего существа живетъ на землѣ. И въ то-же время царство цѣлей освящаетъ это бытіе и обосновываетъ цѣнность какъ самой личности, такъ и ея жизни. Здѣсь возможна безконечная творческая дѣятельность, и личность утверждается какъ принципіальная, неизсякающая возможность нравственнаго и культурнаго творчества. Рождая изъ себя оба міра бытія и долженствованія, человѣкъ живетъ осмысленно и цѣнно только въ безконечномъ *творчествѣ синтеза этихъ двухъ міровъ*, которые несовмѣстимы какъ міры *бытія* и способны къ безконечному сліянію въ божественную гармонію, когда они представляютъ изъ себя міръ *бытія* и міръ *идеала*.

Но пробиться къ этой гармоніи, настоятельно диктуемой насущными запросами культурной личности, соціализмъ можетъ только, сознавъ свою собственную сущность и освободившись отъ матеріализма. Съ развитіемъ всѣхъ міровыхъ мотивовъ, которые заложены въ идеѣ соціализма, онъ долженъ разорвать сковывающія его цѣпи узко партійной и узко классовой догмы и развернуться въ глубоко нравственную борьбу за царство свободы и широкой культуры человѣческой личности вообще, ея духа и его творчества. Такимъ образомъ основная мысль соціализма о томъ, что освобожденіе пролетаріата, будетъ обозначать освобожденіе всего человѣчества требуетъ *цѣльнаго міро-*

созерцанія, въ которомъ эта мысль могла бы найти свое теоретическое выраженіе и оправданіе. Соціализмъ долженъ завоевать себѣ право апеллировать къ нравственному чувству, къ разуму, къ сознательной личности.

II.

Идея цѣнности личности какъ необходимая предпосылка соціализма.

„Höchstes Glüek der Erdenkinder"
„Sei nur die Persönlichkeit". Göthe.

Какъ это было уже нѣсколько разъ нами подчеркнуто, мы видимъ единственно здоровый путь для развитія и преуспѣянія соціализма въ переходѣ отъ узкой политической теоріи къ полному міросозерцанію, способному охватить не только область законосообразности, но и область *цѣлесо*образности. Только въ этомъ случаѣ соціализмъ сохранитъ свою цѣнность для культурной цѣнной личности. Путь этотъ къ цѣльному міровоззрѣнію. какъ намъ кажется, ясно вытекаетъ изъ основного принципа соціализма, который не нашелъ достаточно сознательнаго и яркаго выраженія въ современной исторической формѣ выраженія соціалистической теоріи, но который тѣмъ не менѣе имѣетъ рѣшающее значеніе для всего соціалистическаго міросозерцанія. Чтобы обнаружить этотъ принципъ, который несетъ на себѣ весь смыслъ соціализма, мы зададимся простымъ вопросомъ

о конечной цѣли этого мірового движенія, о его смыслѣ и цѣнности.

Ясно и опредѣленно названа соціализмомъ только одна конечная цѣль, это „хлѣбъ земной", сытость массъ, въ то время какъ другая цѣль, развитіе личности, пала въ жертву той-же недоговоренности, упоминается только при случаѣ и до сихъ поръ не нашла себѣ мѣста въ видѣ ясно и опредѣленно выраженнаго верховнаго принципа всего теченія. Эта цѣль можетъ представляться удовлетворительной, пока мы въ ней видимъ задачу политической партіи. Но соціализмъ и не можетъ по своей сущности, и не хочетъ по своимъ выраженнымъ претензіямъ быть только теоріей политической партіи. Онъ въ своихъ видныхъ представителяхъ разсматриваетъ себя какъ новое *міросозерцаніе* и уже, не противорѣча самому себѣ, не можетъ остановиться какъ на цѣли на сытости массъ. Въ этой недоговоренности и надо искать подкладку тѣхъ несправедливыхъ упрековъ соціализму въ переоцѣнкѣ желудка, которые ему бросались не разъ и въ нашей русской литературѣ. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время Бердяевъ въ своей очень интересной книгѣ „Новое религіозное сознаніе и общественность" указываетъ на такую подмѣну „хлѣба небеснаго„ „хлѣбомъ земнымъ", называя это „искушеніемъ Великаго Инквизитора". Бердяевъ беретъ эту цѣль, годную для узкополитическаго идеала и совершенно невозможную съ точки зрѣнія общаго цѣльнаго міровоззрѣнія, и оцѣниваетъ ее по отношенію къ послѣднему. А такъ какъ

соціализмъ только туманно говоритъ о томъ, что сытость массы ему нужна для того, чтобы человѣкъ могъ быть „человѣкомъ“, то этотъ упрекъ всей своей тяжестью ложится на соціалистическую теорію. Но если бы даже мы теорію соціализма и могли освободить отъ упрека, что она переоцѣниваетъ желудокъ и не дооцѣниваетъ духъ человѣка, то онъ въ неменьшей степени падаетъ на соціалистическую практику, на соціалистическую массу, на пріемы пропаганды и т. д., гдѣ въ сущности въ качествѣ самаго сильнаго аргумента фигурируетъ все тотъ-же желудокъ и почти совершенно отодвигается на задній планъ то самое ядро соціализма, которое одно только и можетъ наложить на него печать историческаго всеобъемлющаго, общечеловѣческаго величія, печать мірового явленія необъятно глубокой важности. Тутъ не соціализмъ ведетъ, а его ведетъ темная масса, загипнотизировавшая взоръ вожака своей бѣдой, и вотъ онъ въ результатѣ рискуетъ остановиться на томъ, что составляетъ правда абсолютно неизбѣжный, но всетаки только этапъ, а не конечную цѣль его путешествія. Тутъ идетъ, какъ это ни горько, подчиненіе грубымъ массовымъ цѣлямъ, межъ тѣмъ какъ дѣло соціализма—все время поднимать массу до пониманія настоящей путеводной звѣзды. Потому что сытость не цѣль, а только средство. И конечная цѣль *пока* укладывается хотя въ неопредѣленную, но уже въ болѣе цѣнную, идущую дальше формулу: черезъ умиротвореніе желудка къ свободѣ духа.

Въ самомъ дѣлѣ. „Развѣ мы хотимъ быть только сытыми?“ спрашиваетъ Павелъ въ произведеніи Горькаго „Мать“ [1]) и тотчасъ же отгоняетъ отъ себя эту мысль энергичнымъ отрицаніемъ; „Нѣтъ!.. Мы хотимъ быть людьми!“ Въ этихъ простыхъ словахъ сказалась та здоровая черта рабочаго движенія, которая даетъ право надѣяться, что соціализмъ не выродится въ исключительную заботу о „хлѣбѣ земномъ“. То лучезарное, міровое, общечеловѣческое, что на практикѣ живетъ въ соціалистическомъ движеніи, должно войти и въ его теорію и освѣтить и эту область затуманеннаго повседневной борьбой и задавленнаго традиціями сознанія. Свою цѣль и свое оправданіе соціализмъ долженъ искать въ другой плоскости, а именно—въ цѣнности человѣческой личности.

Человѣкъ! Не забывай, что ты человѣкъ! Сколько глубокаго значенія вложили въ это слово вѣка культурнаго развитія человѣчества. Это то великое наслѣдство, которое прошлое отдаетъ будущему съ завѣтомъ беречь эту святыню. Одно это слово, одинъ тотъ фактъ, что съ человѣкомъ обращаются какъ съ животнымъ, что голодъ сдвигаетъ человѣка на уровень животнаго, вызываетъ во всякомъ культурномъ человѣкѣ бурю негодованія. Но почему? Если мы, придерживаясь чисто натуралистическихъ теорій во всѣхъ отношеніяхъ,—какъ это еще дѣлаютъ современные борцы за освобожденіе труда, въ особенности въ ихъ

[1]) Стр. 32.

массѣ,—если мы станемъ утверждать, что человѣкъ и внѣ разсмотрѣнія естественныхъ наукъ только высшій разрядъ животнаго, если въ словѣ „человѣкъ“ не лежитъ для насъ идея чего-то высшаго, если между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ глубокой пропасти, —то къ чему тогда весь шумъ? Почему тогда только этотъ видъ животнаго заслуживаетъ земного блаженства, счастія имѣть право быть сытымъ? Чѣмъ можно въ такомъ случаѣ обосновать теоретически его право на это? Одна только борьба за существованіе не въ состояніи дать философскаго оправданія такимъ претензіямъ человѣка, потому что одна мысль о томъ, что съ увеличеніемъ населенія соотвѣтственно затрудняется жизнь и бѣднѣетъ моя доля, могла бы заставить насъ не только не сопротивляться уничтоженію по крайней мѣрѣ извѣстной части человѣчества, но и прямо добиваться этого. Люди тогда должны были бы взглянуть другъ на друга какъ самые страшные непримиримые враги, хуже чѣмъ животныя, потому что послѣднія меньшій конкурентъ человѣку, чѣмъ самъ человѣкъ.

Но мало этого. Если бы сытость была оправданіемъ соціализма и его цѣлью, то лучшимъ пожеланіемъ человѣчеству было бы исчезнуть —и возможно скорѣе—съ лица земли, такъ какъ это самый лучшій и надежный способъ не чувствовать голода, избавиться отъ заботъ этого рода. И хуже всего то, что соціализмъ становится въ такомъ случаѣ сплошнымъ недоразумѣніемъ: чѣмъ человѣкъ проще, нетребовательнѣе, чѣмъ менѣе развиты его вкусы и потребности, тѣмъ больше шансовъ у него

на довольство и на счастіе, потому что ему легче удовлетворить свои несложныя требованія къ жизни. Соціализмъ же разсматриваетъ себя какъ глубоко культурное явленіе. Онъ уже требуетъ по самому своему смыслу извѣстной интеллигентности и съ каждымъ шагомъ впередъ повышаетъ свои требованія къ интеллигентности своихъ адептовъ. Этотъ вопросъ, конечно, безспоренъ. Но, вѣдь, съ повышеніемъ своихъ требованій къ интеллигентности, культурности своихъ адептовъ, однимъ уже предположеніемъ послѣдней соціализмъ понижаетъ шансы на счастье въ обыденномъ, матеріальномъ, „земномъ“ смыслѣ слова для тѣхъ, кто пойдетъ по пути, на который зоветъ соціализмъ. И чѣмъ дальше человѣкъ подвинется на этомъ пути, тѣмъ менѣе шансовъ у него найти удовлетвореніе въ матеріальномъ благополучіи.

Исходъ отсюда одинъ: для него на мѣсто естественныхъ, природныхъ интересовъ должны будутъ стать искусственные „культурные“ интересы, которые путемъ стремленій къ извѣстнымъ идеаламъ, духовнымъ и культурнымъ благамъ повысятъ цѣну жизни, потому что человѣкъ получитъ возможность въ безграничной и прочной области духовнаго культурнаго творчества развить свои силы, которымъ въ естествѣ природы положены со всѣхъ сторонъ желѣзныя преграды. Но путь къ этимъ цѣнностямъ лежитъ черезъ разрывъ соціализма съ дѣтской порой нигилистическихъ тенденцій и не двусмысленный поворотъ къ кри-

тическому, этическому и соціальному идеализму [1]).

Въ основѣ соціализма лежитъ принципъ цѣнности личности, и безъ него соціализмъ не мыслимъ. „Jedes vernünftige Wesen existirt als Zweck an sich selbst“ [2]) говоритъ Кантъ, и въ этомъ уже намѣчается нерушимое основаніе цѣнности личности. Цѣпь заключеній, которыя приводятъ насъ къ признанію цѣнности личности основной предпосылкой соціализма, очень проста: 1. Соціализмъ имѣетъ смыслъ только какъ утвержденіе цѣнности земной жизни. 2. Земная жизнь есть проявленіе дѣятельности. 3. Слѣдовательно, соціализмъ, утверждая цѣнность земной жизни, не можетъ не утверждать, не постулировать возможности *сознательной*, т. е. руководимой признанными личностью цѣнностями—цѣлями дѣятельности, потому что другая дѣятельность лишена цѣнности, а вмѣстѣ съ нею падаетъ и цѣнность жизни. Необходимымъ слѣдствіемъ отсюда является признаніе, во-первыхъ, двухъ міровъ, бытія и идеала, и, во-вторыхъ, личности какъ дѣятельнаго и сознательнаго творца ихъ синтеза.

Абсолютированіе экономики и есть то самое страшное проклятіе, которое посылаетъ мѣщанское царство буржуазности вслѣдъ нарождаю-

---

[1]) Въ высшей степени интересно, что, какъ извѣстно, Платонъ обосновалъ цѣнность своего своеобразнаго соціалистическаго государства не наивлымъ требованіемъ права насыщенія для всѣхъ, а высшей идеи государства.

[2]) Каждое разумное существо существуетъ какъ цѣль сама въ себѣ “Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Стр. 52 (по изданію Кирхмана).

щемуся провозвѣстнику будущаго въ надеждѣ, что это проклятіе будетъ достаточно сильно, чтобы погубить его. И дѣло настоящаго прозрѣть въ этомъ обращеніи экономики въ цѣль страшную опасность для міровоззрѣнія. Надо избавиться отъ общаго уровня съ мѣщанскимъ царствомъ, на который становится невольно соціализмъ, говоря только объ удовлетвореніи матеріальныхъ интересовъ. А это достижимо безъ потери возможности дѣятельной борьбы противъ современнаго общественнаго строя единственнымъ путемъ точнаго, недвусмысленнаго опредѣленія исключительно *служебнаго* значенія „хлѣба земного“, т. е. что онъ нуженъ только какъ *средство* для великой, общечеловѣческой по своей цѣнности цѣли гармоничнаго развитія и культурно-творческаго проявленія индивидуальныхъ человѣческихъ личностей. Экономическій порядокъ никогда не можетъ стать идеаломъ, цѣлью, потому что его собственная цѣнность зиждется на его значеніи необходимаго средства для развитія человѣка и культуры. Пустые желудки—это только зоркіе, ревнивые сторожевые, которые должны быть умиротворены, прежде чѣмъ къ царству духа откроется широкій свободный доступъ. Свободное гармоничное развитіе индивидуальной человѣческой личности — вотъ тотъ идеалъ, ради котораго должна быть затрачена вѣковая борьба.

Этимъ и только этимъ можно объяснить себѣ психологію своего рода массового героизма, которая въ разгоряченной атмосферѣ политической

и соціальной борьбы подымаетъ человѣка до подвига радостнаго самопожертвованія, до жертвы своей жизнью ради неблизкихъ, незнакомыхъ людей, потому что это совершается ради идеи цѣнной личности, ради человѣка. Въ это слово мы вкладываемъ сознательно или безсознательно захватывающую насъ идею возможности покоренія природы и власти надъ нею, идею возможности безконечнаго обогащенія культурными цѣнностями. Человѣкъ-личность пріобрѣтаетъ для насъ характеръ абсолютной цѣнности. Не будь этой цѣнности и соціалистическія стремленія стали бы полнѣйшимъ психологическимъ и философскимъ недоразумѣніемъ. Это недостаточно выдвинутая предпосылка и могла только на благопріятномъ матеріалѣ капиталистическаго развитія породить мощное движеніе 19-го вѣка, послѣ того какъ цѣлыми вѣками назрѣвали практическіе выводы изъ идеи абсолютной цѣнности человѣка какъ человѣка. И если прежде нужны были цѣлые трактаты для оправданія соціализма, то современная масса простымъ и яснымъ образомъ заявила свое право на сытость лаконическимъ выраженіемъ: „я человѣкъ!“ Въ этомъ словѣ сказано все: въ немъ сознательно разрывается связь съ животнымъ, въ немъ утверждается равное право всѣхъ людей на жизнь, въ немъ безсознательно высказано несокрушимое убѣжденіе въ высшемъ назначеніи человѣка. „Сытость нужна не ради сытости, а ради того, чтобы жить человѣкомъ“. Эти за сердце хватающія слова, которыя вы можете услы-

шать часто изъ устъ простолюдина, угадавшаго истину своимъ здоровымъ инстинктомъ, высказываютъ ту основную идею, которую въ горячей политической борьбѣ пропустили партійныя программы. Эта идея цѣнности человѣка какъ личности должна стать альфой и омегой соціалистическаго міросозерцанія.

III.

Идея цѣнной личности и индивидуализмъ.

Цѣнная личность—къ этому понятію мы должны прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе, потому что оба эти термина должны по существу обусловливать другъ друга. Человѣкъ-личность сознаетъ свое единство и тожество, обладаетъ самосознаніемъ и выражаетъ это свое сознаніе словомъ „я“, безъ котораго личность не мыслима. Это ея единство носитъ на себѣ отпечатокъ своеобразнаго характера, —характеръ, который свойственъ только данному единству и не можетъ ни быть замѣщеннымъ, ни покрыться другимъ единствомъ. Отсюда вытекаетъ необходимо индивидуальность каждой личности. Такимъ образомъ *самосознаніе* себя какъ единаго и тожественнаго, особый своеобразный *характеръ* этого дѣятельнаго единства и *индивидуальность*, какъ выводъ изъ двухъ первыхъ, составляютъ основныя необходимыя условія, какимъ должно удовлетворять понятіе личности. Но это конечно далеко еще не все. Изъ всѣхъ опредѣленій, кото-

рыя насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ, мы должны обратить особое вниманіе на то, что личность, чтобы не перестать быть ею, должна необходимо разсматриваться какъ самостоятельный субъектъ своихъ дѣйствій, которыя мы называемъ *ея* поступками. Обычно мы распространяемъ этотъ терминъ за предѣлы его строго ограниченнаго значенія, принимая во вниманіе самую *возможность* такого себя какъ субъекта своихъ поступковъ. Что дѣйствительность не лишаетъ насъ возможности личностей, это мы надѣемся показать при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи діалектическаго метода къ основной предпосылкѣ соціализма—цѣнной личности.

Но какую личность мы будемъ считать цѣнною? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже вытекаетъ изъ того опредѣленія личности, которое мы вкратцѣ набросали выше. Въ центрѣ этого опредѣленія стоитъ ея индивидульность. Личность намъ дорога какъ индивидуальность, какъ цѣль сама въ себѣ, какъ самодовлѣющее цѣлое. Человѣкъ именно и дорогъ намъ какъ индивидуальная, своеобразная личность, и соціализмъ остался бы для насъ непонятнымъ, если бы рухнула эта цѣнность человѣка какъ своеобразной индивидуальной личности. Потому что тотъ презрѣнный сѣрый пьедесталъ, на которомъ красуется сверхчеловѣкъ, лучше всего создается нашимъ буржуазнымъ строемъ, какъ это мы надѣемся показать позже. И этотъ пьедесталъ имѣлъ бы тогда только служебное значеніе ради кучки олимпійцевъ и такимъ образомъ стремленіе къ

возведиченію этой массы было бы противорѣчіемъ самому себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Если мы отбросимъ индивидуалистическое воззрѣніе на дѣйствительность, если мы станемъ отрицать безконечное многообразіе какъ дѣйствительнаго міра вообще, такъ и человѣчества въ частности, то передъ нами получится равноцѣнная—правильнѣе—и вовсе масса единицъ, которыя лишены всякой цѣнности. Погибнутъ однѣ, мы ихъ всегда можемъ замѣнить изъ неисчерпаемаго источника фактической дѣйствительности новыми экземплярами, въ особенности при той „перепродукціи“ человѣческаго и другихъ матеріаловъ, на которую теперь сыпятся со всѣхъ сторонъ жалобы. Для соціализма абсолютный индивидуализмъ необходимъ, потому что если люди одинаковы, то они и равноцѣнны, а потому для культуры достаточно той небольшой группы индивидуальныхъ экземпляровъ, которая имѣется въ дѣйствительности. Къ чему мѣшать погибать милліонамъ другихъ экземпляровъ, которые съ объективной точки зрѣнія не вносятъ собой ничего новаго въ культуру, и портить и затруднять жизнь остальной группы. Но, вѣдь, и тутъ мы уже предполагаетъ группу индивидуальныхъ личностей, но непослѣдовательно ограничиваемъ ее рѣдкими, сравнительно немногими экземплярами. Такимъ образомъ, когда мы говоримъ „человѣкъ“, то это ни въ какомъ случаѣ не должно обозначать только родового понятія, полученнаго путемъ отвлеченія отъ всѣхъ индивидуальныхъ особен-

ностей и различій. Наоборотъ въ соціальномъ идеалѣ этимъ словомъ надо называть все неизмѣримое богатство человѣческихъ индивидуальностей и ихъ проявленій.

Такимъ образомъ, пока для насъ выкристаллизовалась какъ абсолютно необходимая предпосылка соціализма безусловная цѣнность личности, личности индивидуальной, которая не можетъ быть иначе разсматриваема какъ только цѣль въ себѣ, потому что личность незамѣнима. „Въ царствѣ цѣлей все имѣетъ или *цѣну*, или *достоинство*. Что имѣетъ цѣну, на мѣсто того можетъ быть поставлено въ качествѣ эквивалента что-либо иное; наоборотъ, то, что стоитъ выше всякой цѣны [1]), такимъ образомъ не допускаетъ никакого эквивалента,—то имѣетъ достоинство“ [2]). Это понятіе цѣнности и входитъ цѣликомъ въ нашъ терминъ цѣнность, потому что недопустимость эквивалента вытекаетъ у насъ изъ признанія личности какъ абсолютно своеобразнаго, незамѣнимаго единства съ вполнѣ индивидуальнымъ характеромъ. Если мы къ этому опредѣленію цѣнности личности прибавимъ еще опредѣленіе творческой и при этомъ культурно-творческой личности, творящей цѣнности, то въ силу этого индивидуальнаго культурно творческаго элемента человѣчество становится органически связаннымъ и цѣльно развитымъ комплек-

---

[1]) Но не цѣнности, - добавимъ мы въ поясненіе.

[2]) Кантъ „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ 2-е изд. Kirchmann'a стр. 60.

сомъ индивидуальныхъ цѣнностей, которыя въ своемъ цѣломъ составляютъ единую своеобразную самодовлѣющую цѣпь цѣнностей;—не цѣнность—общее, которая получается изъ всѣхъ цѣнностей путемъ отвлеченія, а цѣнность — совокупность, представляющая единство вполнѣ индивидуальныхъ культурно-творческихъ силъ и ихъ продуктовъ. Сѣрый комъ, именуемый массой, представляетъ изъ себя продуктъ современной обстановки, это безформенный комъ разноцвѣтныхъ спутанныхъ и скомканныхъ нитей, который при другихъ условіяхъ, могъ бы дать цѣлую массу нитей разнообразныхъ цвѣтовъ, длины, толщины и крѣпости. Человѣчество, такимъ образомъ, есть не безконечно большая связка безконечно малыхъ и неразличимыхъ единицъ, а соединеніе *личностей* и *ихъ возможностей* какъ цѣнныхъ индивидуальныхъ субъектовъ, творческихъ силъ. Но человѣчество есть для насъ цѣнность-совокупность и именно потому, что она обусловлена составляющими ее цѣнностями, а не наоборотъ, мы должны придти къ заключенію, что *не личность становится цѣнной черезъ человѣчество, а человѣчество черезъ личность.*

Мы опредѣлили личность какъ индивидуальную, культурно-творческую силу или какъ возможность ея. И это является только послѣдовательнымъ выводомъ изъ самой сущности понятія личности. То единство, сознаніе котораго было положено нами въ основу понятія личности, не есть единство мертвыхъ элементовъ, а требуетъ признанія себя въ самосознаніи какъ субъекта

своихъ поступковъ. Личность, такимъ образомъ, является единствомъ вполнѣ индивидуальнаго характера разнообразныхъ творческихъ силъ, которыя сливаются въ ней въ единую дѣятельную силу. Дѣятельность—это необходимый предикатъ понятія личности, потому что съ его уничтоженіемъ исчезаетъ и самая возможность сознавать себя какъ субъекта извѣстныхъ дѣйствій, поступковъ. Но продукты какъ и направленіе этихъ творческихъ силъ не могутъ не быть индивидуальны, потому что индивидуальны ихъ творцы, индивидуальны ихъ стремленія, и ту же печать индивидуальности должны нести на себѣ и ихъ продукты. Тамъ, гдѣ мы съ нашей близорукостью не видимъ никакой цѣнности и различія, мы смѣшиваемъ незначительность—съ нашей субъективной точки зрѣнія—различій и вовсе игнорируемъ самую ихъ возможность, межъ тѣмъ какъ здѣсь въ теоріи, при стремленіи къ объективному разсмотрѣнію все это пріобрѣтаетъ другую окраску.

Но творческой дѣятельности личности мы поставили въ условіе возможность и стремленіе къ *культурно*-творческой дѣятельности. Личность, чтобы остаться цѣнной, должна искать для себя свободнаго проявленія своихъ силъ, ихъ полнаго размаха, потому что въ этомъ ея жизнь, и тутъ прежде всего ея стремленія должны быть обращены на область культурнаго творчества съ его непреходящими своеобразными цѣнностями и возможностью свободнаго проявленія творческихъ силъ. Въ физической области человѣкъ закованъ

въ крѣпкія цѣпи и ему предоставляется только такой просторъ, какимъ позволяютъ пользоваться сковывающія его цѣпи. Изъ этого царства ограниченія, а то и порабощенія есть только одинъ выходъ къ свободѣ—это путь культурнаго творчества, царство духа, не духа спиритистовъ, не небеснаго, а земного, человѣческаго, *творческаго* духа. Этотъ духъ неограниченный властелинъ своего царства, пока онъ творитъ. Въ то время какъ въ царствѣ тѣла все клонится къ тому, чтобы сдѣлать человѣка матеріаломъ, въ царствѣ духа, т. е. для культурно-творческихъ силъ человѣка все можетъ стать матеріаломъ. Тутъ истинная свобода. Тутъ на землѣ же – чистая сфера возможности сліянія „земли и неба“, чистая сфера оцѣнки и цѣнностей.

Къ этому царству свободы и свѣта долженъ вести соціализмъ. Но передъ нимъ основное требованіе умиротворить тѣло, высвободить его силы, создать изъ врага поборника свѣта. Человѣка нужно освободить въ достаточной степени отъ гнета матеріальныхъ заботъ, чтобы открыть передъ нимъ возможность вступленія на путь свободнаго, окрыляемаго идеалами культурнаго творчества. Для здороваго ума нужно здоровое негнетущее тѣло. Тѣло и духъ должны слиться въ гармоничное цѣлое, чтобы являть *собой* цѣнность и быть *творцомъ* цѣнностей. Тогда только можетъ возникнуть *истинная*, цѣнная дѣйствительность; не дѣйствительность только факта, или только идеи, а живая среда ихъ синтеза, постоянно и безконечно обогащающаяся, жи-

вая и дѣятельная, „*дѣйственная*“ и потому настоящая „*дѣйствительность*“ [1]). Только одухотворенное можетъ быть дѣятельно, и *только въ дѣятельности можетъ быть дѣйствительность.*

Итакъ, личность цѣнна какъ индивидуальная культурнотворческая сила и въ этомъ видѣ она представляетъ необходимую предпосылку соціализма. Культура обогащается индивидуальностями. Чѣмъ индивидуальнѣе творческая сила и ея продуктъ, тѣмъ богаче, хотя бы сначала и потенціально, культура. И соціализмъ обѣщаетъ дать просторъ этому размаху индивидуальныхъ творческихъ силъ, развитію ихъ безконечнаго многообразія. Только черезъ служеніе этой конечной своей цѣли соціализмъ можетъ не только сохранить, но и укрѣпить свое положеніе провозвѣстника общечеловѣческаго будущаго, и цѣннаго, и цѣльнаго міросозерцанія.

Теперь возникаетъ вопросъ, не впадаетъ ли соціализмъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, полагая въ свою основу принципъ абсолютной цѣнности личности вообще, т. е. устанавливая ихъ равноцѣнность и въ то-же время кладя въ основу личности условіе абсолютной индивидуальности? Къ этому вопросу мы и обратимся теперь.

Когда уже сложилась основная мысль этого произведенія, я прочелъ въ „Современномъ Мірѣ“ въ апрѣльской книжкѣ за 1907 г. статью П. Кузько „Индивидуализмъ и соціализмъ въ своемъ

---

[1]) См. Вопросы Философіи 1905 V (кн. 80) мою статью о Гегелѣ, стр. 730—737.

взаимоотношеніи". Обратимся на моментъ къ этой статьѣ, такъ какъ это поможетъ выясненію нашего вопроса.

П. К. энергично настаиваетъ на мысли, что соціализмъ только средство для индивидуализма. Но за этимъ утвержденіемъ слѣдуетъ другое, которое на нашъ взглядъ грозитъ въ корнѣ уничтожить „средство индивидуализма"--соціализмъ, и эта опасность теоретически-философски тѣмъ болѣе велика, что дѣло идетъ о сохраненіи основного принципа, составляющаго философскій жизненный нервъ соціализма. Г. Кузько энергично возстаетъ противъ идеи абсслютной равноцѣности человѣческихъ личностей, считая ее не только (стр. 255), „вредной для соціализма, но и опасной для жизни". И результатомъ такого отрицанія должно явится, какъ намъ кажется, полное отрицаніе соціализма, какъ явленія въ этомъ смыслѣ безусловно отрицательнаго.

Въ самомъ дѣлѣ. Едва ли еще какое-либо другое теченіе стремилось къ такому сохраненію индивидовъ путемъ улучшенія ихъ матеріальныхъ условій, какъ это дѣлаетъ соціализмъ. Онъ ведетъ аттаку за аттакой ради этихъ условій, стремясь всѣми имѣющимися у него средствами спасти возможно большее количество трудящихся, ихъ дѣтей, *не сортируя* ихъ по цѣнности ихъ личности и индивидуальности. Сквозь весь соціализмъ, черезъ всѣ рѣчи его сторонниковъ красною нитью протянулось страстное могучее стремленіе вырвать изъ челюстей фабрикъ и заводовъ людей, загнанныхъ туда голодомъ. Ясно, что при-

знаніе равноцѣнности человѣческихъ личностей въ видѣ общаго принципа лежитъ въ основѣ соціализма, и если мы захотимъ совсѣмъ его уничтожить, то этимъ мы отрубимъ ту вѣтку, за которую держится соціализмъ.

Но предположеніе равноцѣнности личностей въ опредѣленномъ случаѣ нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы онѣ расположились въ скалу безконечно разнообразныхъ цѣнностей, какъ это мы сейчасъ попытаемся пояснить. Г. Кузько нападаетъ на Канта за его признаніе личности какъ самоцѣли, какъ абсолютной цѣнности. Межъ тѣмъ эти нападки на нашъ взглядъ зиждятся на неясно представляемомъ отношеніи понятія равноцѣнности къ возможности самыхъ разнообразныхъ, безконечныхъ градацій въ цѣнностяхъ.

Мы придерживаемся на всю дѣйствительность, а тѣмъ болѣе на человѣка того взгляда, что въ мірѣ нѣтъ двухъ индивидовъ, которые вполнѣ совпадали-бы другъ съ другомъ. Каждый индивидъ —личность дорогъ для насъ, какъ мы уже говорили, своей индивидуальностью, тѣмъ, чего нѣтъ въ другому, чего не можетъ дать никто иной, потому что въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ условій развитія культуры и ея богатствъ. Человѣчество, такимъ образомъ, должно разсматриваться какъ цѣнность—совокупность, въ которой есть только *индивидуальныя* цѣнности со всяческаго рода градаціями, но въ которой нѣтъ *нецѣнностей*. Всѣмъ имъ обще то, что они *цѣнности* и въ качествѣ послѣднихъ, именно *индивидуальныхъ*

цѣнностей онѣ заслуживаютъ, требуютъ отъ насъ активнаго стремленія къ ихъ сохраненію. Человѣкъ дорогъ намъ какъ оригинальная, своеобразная цѣнность, которую онъ, во-первыхъ, представляетъ самимъ собой,—тѣмъ, что въ немъ есть какъ въ таковомъ, и на этотъ счетъ насъ не должно обманывать убѣжденіе въ существованіи сѣрой массы, этого ужаснаго кома, скатаннаго нашими общественными условіями. Все дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ аналогичнаго микроскопу инструмента, который бы ввелъ насъ въ глубь этой массы и напомнилъ намъ основательно, что эта сѣрость состоитъ изъ самодовлѣющихъ индивидуальныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои оттѣнки, свой отпечатокъ, только опять-таки пришибленный и раздробленный въ тискахъ современной хищнической обстановки. Кромѣ того, индивидъ самъ съ культурно-творческой точки зрѣнія представляетъ для насъ цѣнность и какъ *возможность* большаго, чѣмъ онъ есть въ данное время, и какъ дѣйствительная единица, занимающая въ творчествѣ свое, только ей одной присущее индивидуальное мѣсто,—какъ бы мала ни была ея значимость въ общемъ цѣломъ. И, наконецъ, человѣкъ намъ дорогъ какъ возможность порожденія новыхъ культурно-творческихъ индивидуальныхъ личностей, какъ возможный источникъ обогащенія человѣческой физической и духовной мощи, и если данный индивидъ самъ представляется намъ ничтожнымъ, то это далеко еще не значитъ, что въ извѣстномъ сочетаніи съ

другимъ индивидомъ онъ не породитъ крупной культурно-творческой силы. Такимъ образомъ, соціализмъ предполагаетъ безусловную цѣнность личностей какъ таковыхъ, ихъ *незамѣнимость*, а потому онъ долженъ признать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ, именно въ силу ихъ индивидуальности, единичности, незамѣнимости *равноцѣнными*, такъ какъ нѣтъ двухъ цѣнностей, которыя были бы вполнѣ тожественны, и потому онѣ всѣ одинаково дороги, и потеря самой малой изъ нихъ не могла бы быть возмѣщена самой большой изъ нихъ, но, съ другой стороны, эти цѣнности и различны, потому что у каждой изъ нихъ своя своеобразная цѣнность.

Такимъ образомъ, идея равноцѣнности въ смыслѣ обладанія цѣнностью вообще не исключаетъ необозримыхъ градацій въ самихъ цѣнностяхъ. Признаніемъ цѣнности личности вообще мы вовсе не подстригаемъ всѣхъ подъ одну гребенку. Эта идея должна только дать намъ право разсматривать каждаго человѣка какъ цѣнную личность и какъ возможность творчества и, кромѣ того, эта идея только и можетъ требовать, чтобы всѣмъ людямъ какъ цѣннымъ личностямъ дана была полная возможность развить свое индивидуальное, культурно-положительное, цѣнное содержаніе. Такимъ образомъ, наше уравниваніе личностей сводится къ уравненію *объективныхъ* условій въ смыслѣ улучшенія ихъ для всѣхъ, чтобы въ результатѣ дать полный просторъ развитію, игрѣ и проявленію, т. е. *субъективному неравенству* культурно-творческихъ

индивидуальныхъ силъ въ сферѣ творчества и его продуктовъ. Можетъ быть и вѣроятнѣе всего такимъ путемъ создастся культурная аристократія, но это будетъ,—именно въ силу постояннаго притока свѣжей крови,—настоящая аристократія. Болѣе того. Признаніе абсолютной цѣнности личности со всѣми вытекающими отсюда выводами необходимой предпосылкой соціализма ведетъ къ отрицанію права механизированія или правильнѣе квантифицированія человѣческаго труда. Трудъ, который даетъ продукты для удовлетворенія чисто физическихъ потребностей создаетъ только почву, основу, на которой ожидается расцвѣтъ духовно-творческой дѣятельности. Въ послѣднюю и переносится центръ тяжести цѣнностей. Въ ней лежитъ ядро цѣнности личности. Такъ какъ она является конечною высшею цѣлью соціалистическихъ стремленій, то трудъ—творчество по цѣнности перемѣщается въ высшую категорію, хотя онъ въ полномъ размахѣ мыслимъ только на основѣ удовлетворенія продуктами перваго труда. Но это неравенство цѣнности, а не товарной расцѣнки.

Перенося центръ тяжести въ культурныя цѣнности, мы не выходимъ за предѣлы принципа абсолютной цѣнности личности. Личность остается самоцѣлью, потому что культура есть продуктъ всѣхъ индивидуальностей, ихъ коллективное благо. Его продуктъ и онъ самъ и духовно, и физически представляютъ эту культуру, т. е. творя ее, онъ творитъ самого себя, потому что культурные продукты живы только *черезъ* личность и *въ*

личности, т. е, въ ея духѣ.

Въ этой-же связи мыслей не лишнее будетъ коснуться и еще одной стороны даннаго вопроса. Часто слышится, что культурно-творческій геній долженъ имѣть свою массу. Намъ представляется это отнюдь не необходимымъ. Это не conditio sine qua non. Масса въ сѣромъ смыслѣ, масса какъ средство не нужна сверхчеловѣку въ культурно-творческомъ смыслѣ. Она нужна для сверхкапиталистовъ, сверхполитиковъ и т. д., людей, которые строятъ свое величіе на порабощеніи. Въ культурно-творческой дѣйствительности этому порабощенію не только нѣтъ мѣста, но наоборотъ, всякій новый геніальный продуктъ культурнаго творчества личности обозначаетъ обогащеніе *всей* громады культурнаго человѣчества, или во всякомъ случаѣ возможность этого культурнаго обогащенія своего сознанія; онъ обозначаетъ для массы еще одинъ шагъ впередъ изъ сѣрости, лишній стимулъ къ индивидуализаціи, къ духовному освобожденію, къ культурѣ. Такова роль геніальныхъ научныхъ, поэтическихъ, литературныхъ творческихъ личностей: она прямо противоположна роли политическихъ, капиталистическихъ и др. властелиновъ. Поэтому масса это такое-же сѣрое, относительное слово, какъ и то содержаніе, которое хотятъ вложить въ него современные сверхлюди. Масса также имѣетъ свои и очень большія градаціи, т. е. она далеко не есть то безформенное, безразличное пятно, въ какое она обращается въ представленіяхъ нашихъ сверхчеловѣковъ. Мы обманываемъ себя тѣмъ, что все, что не выдѣли-

лось еще, мы называемъ общимъ именемъ массы, но, вѣдь, это далеко не значитъ, что то, что мы назвали этимъ именемъ, не породитъ изъ себя новыхъ талантовъ... Истинно культурная, цѣнная личность, какъ бы велика она ни была, не только не порабощаетъ и не требуетъ массы, но наоборотъ появленіе новой крупной творческой силы обозначаетъ для всѣхъ шагъ впередъ изъ сѣрой, слякотной неопредѣленности.

IV.

Индивидуалистическій, хозяйственный строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности.

Прежде чѣмъ идти дальше, намъ хотѣлось бы коснуться въ нѣсколькихъ словахъ пресловутаго вопроса о „буржуазномъ наслѣдствѣ“. Выраженіемъ традиціоннаго мнѣнія по этому вопросу служитъ обычный, отчасти уже потрепанный прокламаціями аргументъ: „Пролетаріи! Вамъ нечего терять кромѣ своихъ цѣпей!“ Изъ всего предыдущаго явствуетъ, что эти слова могутъ гармонировать съ сущностью соціализма только въ узко опредѣленномъ смыслѣ призыва къ энергичной, непреклонной борьбѣ за свои права человѣка. Но это выраженіе не должно обозначать могильнаго креста надъ всѣмъ, что такъ или иначе породилось буржуазнымъ міромъ. Соціализмъ, оставаясь вѣрнымъ своей великой цѣли, призванъ произвести великую переоцѣнку, но не вандаль-

ское разрушеніе. Въ этомъ случаѣ, т. е. при отрицаніи всего того, что огульно объединяется однимъ именемъ „буржуазности", потери соціализма были бы невѣроятно велики: онѣ обозначали бы потерю всего и между прочимъ самаго дорогого для соціалиста: потерю основного элемента культурнаго самосознанія, сознанія своего человѣческаго достоинства, достоинства человѣка какъ человѣка, идеи абсолютной цѣнности личности, которую съ невѣроятными муками произвела на свѣтъ многовѣковая культура человѣчества. Потери эти были бы поистинѣ ужасны, если бы съ паденіемъ буржуазнаго строя соціализму не осталось бы никакого наслѣдства, и такимъ образомъ тысячелѣтія оказались бы вычеркнутыми изъ исторіи человѣчества: это были-бы Гегелевскія „пустыя страницы исторіи". Идея абсолютной цѣнности личности народилась при буржуазномъ строѣ. Нѣтъ этого принципа—нѣтъ и соціализма. Буржуазное общество это зажившееся или отживающее существо, которое скрипитъ себѣ дальше, смотритъ на свои пережитки какъ на несокрушимые устои и,—и это самое главное,—стѣсняетъ развитіе своего отпрыска душной атмосферой отжившихъ идей и обстановки. Буржуазный строй долженъ будетъ уступить свое мѣсто новымъ свѣжимъ силамъ, чтобы дать возможность использовать накопленныя и порожденныя имъ идеи и принципы. Но пролетарію, какъ представителю культурнаго будущаго есть много чего терять, настолько много, что при слѣпой, фанатически догматической борьбѣ и уничтоженіи онъ

можетъ срубить ту вѣтку, на которой онъ самъ сидитъ. Нѣтъ. Съ духовными цѣнными плодами многовѣковой культуры истинный соціализмъ не только никогда не можетъ порвать, но онъ явится прямымъ ея наслѣдникомъ и продолжателемъ ея на болѣе жизненной основѣ. Онъ не можетъ выбросить огульно всего накопленнаго человѣчествомъ богатства, не произведя въ немъ критическаго разбора, и результатомъ этого отбора будетъ несомнѣнно признаніе всего того въ этой культурѣ своимъ, что не связано прямо съ порабощеніемъ личности. Наслѣдство это велико уже по одному тому, что въ него входитъ идея абсолютной цѣнности человѣка какъ личности. „Человѣчество долго ищетъ и врядъ ли найдетъ что-нибудь, если было такъ бездарно, что до сихъ поръ ничего не нашло“ [1]). Такимъ образомъ, соціализмъ долженъ на нашъ взглядъ проникнуться нѣкоторой долей историзма, чтобы избавившись отъ натуралистической односторонности, пробиться такимъ путемъ къ согласованному міросозерцанію.

Не раздѣляя рѣзко отрицательнаго взгляда традиціоннаго революціоннаго ортодоксальнаго соціализма на вопросъ о буржуазномъ наслѣдствѣ, мы займемся теперь вопросомъ о томъ, что даетъ цѣнной индивидуальной личности и ея развитію современный строй съ его индивидуалистическимъ хозяйствомъ. Признавъ абсолютную цѣн-

---

[1]) Н. Бердяевъ „Новое религіозное сознаніе и общественность“ стр. VI.

ность личности какъ индивидуальной культурно-творческой силы и ея развитіе цѣлью всякаго широкаго жизненнаго соціальнаго движенія, мы должны сдѣлать изъ этого принципа своего рода пробный камень. Съ этимъ критеріемъ мы и обратимся теперь сначала къ современному строю, а затѣмъ къ соціализму.

Уже самое названіе индивидуалистическое хозяйство звучитъ въ этомъ отношеніи многообѣщающе, и прежде чѣмъ идти дальше, мы должны отвѣтить на вопросъ, не ищемъ-ли мы того, что у насъ находится за плечами, т. е. не представляетъ ли изъ себя индивидуалистическій хозяйственный строй, какъ показываетъ его имя, разсадника индивидуальныхъ цѣнныхъ личностей и вмѣстѣ съ тѣмъ истинной культуры.

Уже бѣглый взглядъ на современную беллетристическую литературу и литературу недавняго прошлаго не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ роли индивидуалистическаго хозяйства въ дѣлѣ культивированія культурно-творческихъ индивидуальностей. Пусть намъ будетъ позволено въ этомъ случаѣ для примѣра привести одно случайно выбранное мѣсто изъ также случайно взятаго произведенія Золя „Римъ“: „Въ этомъ кварталѣ св. Маргариты, въ самомъ сердцѣ дѣятельнаго и трудолюбиваго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья онъ (Пьеръ) открылъ отвратительные дома, цѣлые переулки, наполненные темными лачугами, безъ воздуха, сырыми какъ погреба, гдѣ жило и умирало отравленное цѣлое населеніе несчастныхъ существъ... Многіе

спали на голомъ каменномъ полу, никогда не раздѣваясь. Ни мебели, ни бѣлья,—жизнь животныхъ, удовлетворяющихъ свои потребности, гдѣ и какъ придется по влеченію инстинкта и по волѣ случайной встрѣчи. Внутри жилищъ вповалку копошились безъ различія пола и возраста люди, вернувшіеся къ животной жизни за неимѣніемъ необходимаго, подъ давленіемъ такой нищеты, что другъ у друга зубами вырывали объѣдки, выметенные изъ подъ стола богатыхъ. И самымъ худшимъ, самымъ тяжелымъ было это паденіе человѣческаго сознанія. Это былъ уже не свободный дикарь, прогуливавшійся нагишемъ, охотившійся и пожиравшій свою добычу въ первобытныхъ лѣсахъ, а человѣкъ цивилизованный, доведенный до звѣрскаго состоянія, со всѣми пороками, со всѣми недостатками упадка, грязный, гадкій, безсильный, посреди роскоши и утонченности города, величаемаго королемъ міра".

На такія неизбѣжныя для индивидуалистическаго хозяйства картинки мы натыкаемся на каждомъ шагу, какъ только мы дѣлаемъ искреннюю попытку оріентироваться въ этомъ вопросѣ съ помощью нашего собственнаго опыта или авторитетныхъ источниковъ нашей и иностранной литературы. Болѣе того. Чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ ужаснѣе оказывается этотъ роковой съ точки зрѣнія цѣнной личности разрывъ между верхами и низами человѣчества. Имѣя въ виду не хищническую изощренность,—кажется, единственную индивидуальную черту, которая культивируется индивидуалистическимъ хозяйствен-

нымъ строемъ,—а индивидуализацію, направленную на воспитаніе, взращиваніе духовныхъ культурно-творческихъ личностей, мы придемъ къ заключенію, что этотъ порядокъ дѣйствуетъ въ направленіи, прямо противоположномъ интересамъ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей, цѣнныхъ личностей. Въ этомъ общественномъ строѣ только у немногихъ сравнительно лицъ высвобождаются силы изъ подавляющей личность борьбы за существованіе, которыя потомъ направляются при наличности благопріятныхъ условій въ данномъ субъектѣ и въ его окружающемъ на культурную, творческую работу. У большинства же всѣ силы захватываются погоней за насыщеніемъ, за хлѣбомъ земнымъ. Человѣчество начинаетъ все болѣе походить въ своей подавляющей массѣ на колоссальную массу хищниковъ, которые воспаленными взорами ищутъ добычу, рвутъ ее другъ у друга, лишаютъ другъ друга жизни, насилуютъ, глумятся и все это ради все того же омерзительнаго хищническаго инстинкта наживы, который нарастаетъ въ ужасающихъ размѣрахъ и грозитъ поглотить всѣ остальные запросы. Люди сидятъ по своимъ норамъ, высматривая добычу, грабятъ культуру и духъ человѣка, ведутъ человѣческую личность къ неминуемому при этомъ хозяйственномъ строѣ обнищанію, и новые вороха добычи только раскаляютъ хищничество. Съ первымъ вступленіемъ въ жизнь выступаетъ забота исключительности, дума только о *себѣ*, о *своихъ* дѣтяхъ, о своей семьѣ, и люди давятъ *чужихъ* дѣтей,

разрушаютъ чужія семьи—все для той-же своей норы. Пустые желудки, эти грабители культуры, развратители цѣнной личности и ненавистники ея потребностей, обращаютъ людей въ животныхъ, то подавленныхъ и изломанныхъ невзгодами и лишеніями, запуганныхъ и обращенныхъ въ рабовъ, потерявшихъ свое человѣческое достоинство, то въ алчныхъ хищниковъ съ ненасытной утробой, въ которой безслѣдно исчезаютъ доли десятковъ тысячъ людей;—хищниковъ, которые разучаются говорить по человѣчески и умѣютъ только „лаять“ о тысячахъ, по удачному выраженію Глѣба Успенскаго. Ихъ аппетиты, взрощенные успѣшной наживой, растутъ и угрожаютъ поглотить весь міръ. Въ такихъ людяхъ порываются всѣ связи съ человѣчествомъ: одинъ только объектъ наживы и наслажденія стоитъ передъ ними. Національность, религія, мораль—все это только постольку имѣетъ для нихъ цѣну, поскольку онѣ могутъ стать на службу тому же капиталу. Въ этомъ отношеніи характерно, что идеаломъ конечнаго развитія выставляется возможность владѣть міромъ. Но, вѣдь, это все тотъ же идеалъ всенароднаго всеобщаго пожиранія.

Нашъ современный „индивидуализмъ“ въ хозяйствѣ развиваетъ только индивидуализмъ *хищничества* всѣхъ оттѣнковъ, хищнической изощренности, а въ результатѣ получается цѣнность, раздробленная на части, растоптанныя подобія людей, и физически, и духовно покалѣченныя единицы—вмѣсто цѣнныхъ, тѣломъ и духомъ гармонично развитыхъ личностей. И идутъ всѣ

въ разбродъ, задыхаясь и падая, и давя другъ друга. „Всѣ сердца разбиты различіемъ интересовъ“, говоритъ Андрей въ произведеніи Горькаго „Матъ“ [1]). „Всѣ обглоданы слѣпой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноемъ... ложью, трусостью... Всѣ люди больные, жить боятся, ходятъ какъ въ туманѣ... каждый знаетъ только какъ его зубъ болитъ“. Такова та дѣйствительность, которая создается нашимъ индивидуалистическимъ порядкомъ: культурныя цѣнности, поскольку онѣ у насъ есть, по большей части созидаются *вопреки* ему.

И корень зла лежитъ въ пагубномъ смѣшеніи *произвола* съ свободой. Даже слово произволъ слишкомъ мало подходитъ для характеристики современнаго порядка. Съ точки зрѣнія культурной личности это хаосъ, который человѣчество устраняетъ изъ менѣе важныхъ областей и оставляетъ его въ болѣе существенныхъ. Предоставленіе индивиду полной свободы борьбы за существованіе отдаетъ его произволу и случайному стеченію фактическихъ силъ, но самое главное — въ этой хаотической, растлѣвающей атмосферѣ борьбы за существованіе подростаетъ новое поколѣніе, которое вѣковой опытъ учитъ приспособляться уже инстинктивно къ хищническимъ формамъ сосуществованія, кое-какъ затушеваннымъ и стянутымъ живыми нитками современнымъ государствомъ. И мы напрасно станемъ указывать на то, что эгоизмъ заложенъ въ насъ

[1]) Стр. 152.

природой: природа многое заложила въ насъ, что вѣка культурной жизни передѣлали по своему. И не въ природѣ дѣло, а эгоизмъ и хищничество взращиваются въ насъ ни кѣмъ инымъ какъ индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ.

И вотъ этотъ то продуктъ подъ вліяніемъ все той же противной личности рабской покорности фактамъ прошлаго и настоящаго, насилующихъ идею будущаго, возводится въ своего рода законъ природы. „Нѣтъ культуры безъ прислуги", говоритъ Трейчке [1]), справедливо полагая, что культура немыслима безъ рабовъ при современномъ строѣ, которому онъ только не по праву даритъ и будущее. „Неизмѣненъ законъ", говоритъ онъ, „что только меньшинству суждено наслаждаться идеальными благами культуры, масса трудится въ потѣ лица своего". Этотъ выводъ изъ фактической дѣйствительности, вѣрный по отношенію къ прошлому и настоящему, Трейчке [2]) не только возводитъ въ естественный законъ, но и ставитъ его подъ защиту справедливости. „Этотъ порядокъ", говоритъ онъ, „справедливъ и необходимъ". Оцѣнивая нашъ строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности, мы неминуемо найдемъ послѣднее положеніе Трейчке совершенно немыслимымъ. Единственная возможность, которая остается буржуазному строю, это

[1]) „Der Socialismus und seine Gönner" Preussische Jahrbücher Band 34. 1874 г. Стр. 67 и слѣд.

[2]) Онъ впослѣдствіи перемѣнилъ свои воззрѣнія, но это не лишаетъ его словъ ихъ типичнаго значенія.

опираться на необходимость, но и этотъ исходъ у него успѣшно оспаривается наукой и нарождающейся новой жизнью. Но этотъ вопросъ практической осуществимости соціализма лежитъ для насъ въ данномъ случаѣ въ сторонѣ, и мы можемъ его не касаться, такъ какъ мы стоимъ передъ вопросомъ оцѣнки, передъ quid juris, а не передъ quid facti. Для насъ важно констатировать, что индивидуалистическій соціальный строй противоположенъ интересамъ развитія цѣнныхъ личностей. Онѣ развиваются только *вопреки* ему.

Любая книжка, трактующая относительно развитія человѣка отъ природнаго состоянія къ культурѣ и объ условіяхъ этого развитія, принимаетъ какъ неоспоримое положеніе, что человѣчество только потому и могло подняться къ культурѣ, что оно съумѣло тѣмъ или инымъ путемъ свалить съ своихъ плечъ часть тѣхъ заботъ о матеріальномъ существованіи, которыя какъ Дамокловъ мечь всю жизнь тяготѣютъ надъ животнымъ, и урвать себѣ болѣе продолжительную возможность отдаться и другимъ занятіямъ и мыслямъ, чѣмъ простое прислушиваніе къ требованіямъ своего желудка. И дѣло простой послѣдовательности продолжить эту мысль и дальше къ утвержденію, что съ большей обезпеченностью и свободой отъ матеріальныхъ заботъ принципіально является и большая возможность культурной творческой жизни. Но, вѣдь, масса людей за небольшимъ исключеніемъ лишена теперь этихъ благопріятныхъ условій. Слѣдовательно, прямой выводъ отсюда, что

матеріальная неустойчивость погасила и гаситъ миріады цѣнныхъ культурно-творческихъ свѣтильниковъ. Только люди съ сильной волей и могучими стремленіями въ состояніи до нѣкоторой степени отвлечься и игнорировать дурныя матеріальныя обстоятельства и отдаться служенію другимъ богамъ, чѣмъ погоня за земнымъ хлѣбомъ. Но это исключительныя натуры, одаренныя или стальной волей, или особымъ стеченіемъ условій, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а обладаніе талантомъ, творческой силой далеко не всегда сочетается съ сильной волей, и тотъ, въ комъ есть первое, но нѣтъ второго, приносится въ жертву хищнической дѣйствительности, если случай не спасетъ его.

Но защитники индивидуалистическаго хозяйственнаго строя съ торжествомъ и опираются на эти немногіе экземпляры, такъ или иначе уцѣлѣвшіе отъ захлестывающей волны шкурныхъ заботъ. Намъ говорятъ:—человѣческій духъ закаляется и изощряется въ безпощадной борьбѣ съ природой и съ себѣ подобными, изощряется индивидуально, всякъ по своему; что изъ этой клоаки всеобщаго и взаимнаго пожиранія, именуемой свободной конкуренціей, и выростаютъ тѣ немногія свѣтила науки и искусства, въ то время какъ масса „трудится въ потѣ лица своего“, т. е. съ культурно-творческой точки зрѣнія погибаетъ. Несомнѣнно, какъ мы этого и не отрицали выше, литература и наука любого изъ европейскихъ народовъ даетъ намъ достаточное количество примѣровъ порожденія индивидуальныхъ творческихъ силъ изъ

обстановки современнаго хищническаго строя. Но что это доказываетъ? Это только лишнее подтвержденіе нашей мысли, что культурно-творческія индивидуальности развиваются *вопреки* строю свободной конкуренціи, выплываютъ только единицами, въ то время какъ подавляющая возможная часть ихъ погибаетъ. Всѣ эти единицы либо отбирались изъ того-же привилегированнаго меньшинства, либо только потому и смогли удержаться на поверхности, что онѣ свели свое участіе въ теперешней хаотической борьбѣ за существованіе на минимумъ, что онѣ побѣдили въ себѣ тѣ хищническіе инстинкты, которые такъ заботливо вскармливаетъ и раздражаетъ современный экономическій строй. Онѣ ограничиваются минимумомъ практическаго участія въ этой дикой скачкѣ, чтобы сохранить свое существованіе, чтобы высвободить остальныя силы для культурнаго творчества. Такимъ образомъ, онѣ порождаются не этимъ строемъ, а *вопреки* ему, путемъ преодолѣнія того, что составляетъ двигательную пружину этого строя. Для подавляющей же массы людей этотъ строй создаетъ такую матеріальную необезпеченность, что индивидъ съ первыхъ же шаговъ принужденъ посвятить всѣ свои думы, силы и ловкость матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ и поставить на службу хищничеству всѣ остальныя способности или задавить ихъ. Нажива у богатыхъ, борьба за существованіе у бѣдныхъ, зависть къ богатымъ у среднихъ закабаляютъ человѣка въ наше время и съуживаютъ до крайности отборъ творческихъ силъ.

„Гдѣ прогрессъ, тамъ неизбѣжно имѣется отборъ", говоритъ Киддъ [1]). И интересами прогресса и оправдываютъ строй свободной конкуренціи, полагая, что свободная, — а по нашему слѣпопроизвольная,—игра силъ приведетъ къ естественному отбору цѣнныхъ индивидовъ. Чтобы бросить нѣкоторый свѣтъ на результаты, къ которымъ привелъ индивидуалистическій экономическій строй, мы должны ясно расчленить вопросъ о прогрессѣ на двѣ части, а именно: на вопросъ о физическомъ прогрессѣ и вопросъ о духовномъ, культурномъ прогрессѣ. Если мы говоримъ о физическихъ свойствахъ человѣка, а они для культурной, цѣнной личности далеко не безразличны, потому что она можетъ найти удовлетвореніе только въ гармоніи и красотѣ духа *и* тѣла,—то результаты „отбора" получаются несомнѣнно самые жалкіе, потому что у нихъ фатальные симптомы физическаго вырожденія, и это едва-ли даже требуетъ доказательства. И иного результата ожидать нельзя, потому что нашъ экономическій строй, съ одной стороны, неминуемо калѣчитъ людей и вытравляетъ изъ нихъ всѣ жизненные соки, съ другой,—образуетъ небольшую группу людей, которая представляетъ продуктъ пресыщенности и одинаковый, если еще не большій, регрессъ, чѣмъ первая часть. Человѣчество создало необъятно сложную сѣть мѣръ и условій, которыя нерѣдко губятъ сильныхъ и со-

---

[1]) Die sociale Evolution". въ нѣмецк. переводѣ Pfleiderer'a 1895 стр. 33.

храняютъ слабыхъ. Если мы говоримъ о духовныхъ творческихъ силахъ человѣка, то на этотъ вопросъ мы уже отвѣтили, что 1) развитіе культурно-творческихъ личностей идетъ *вопреки* буржуазному строю, а во 2)—это развитіе далеко не даетъ того, что оно могло бы дать, потому что нашъ строй превращаетъ десятки милліоновъ людей въ безформенныя массы физическихъ и духовныхъ обломковъ, такъ что отборъ то производится изъ сравнительно небольшой группы привилегированныхъ—рожденіемъ или положеніемъ, это безразлично—людей. „Право на высшее образованіе и воспитаніе", говоритъ, наприм, Киддъ, [1]) „зависитъ въ наше время едва ли отъ чего-либо иного, какъ только отъ состоянія и богатства; фактически оно составляетъ одну изъ самыхъ исключительныхъ и въ то же время вліятельнѣйшихъ привилегій послѣдняго". И вотъ именно изъ этого привилегированнаго узкаго кружка и совершается за незначительными исключеніями отборъ культурныхъ силъ. Но эта привилегированность не даетъ намъ ни на іоту гарантіи за то, что въ данную группу вошла хотя бы значительная часть того, что есть лучшаго въ человѣчествѣ. *Для экономнаго и полнаго отбора природа должна поступить подъ контроль культуры.*

---

[1]) Тамъ же стр. 216.

V.

Коллективизмъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности.

„Государственный строй, основанный на *возможно большей человѣческой свободѣ* согласно законамъ, благодаря которымъ *свобода каждаго можетъ существовать съ свободою всѣхъ остальныхъ*... есть во всякомъ случаѣ *необходимая* идея".

Кантъ. [1])

Переходя теперь къ соціализму мы должны примѣнить и къ нему тотъ же критерій оцѣнки, потому что только положительное отношеніе къ этому принципу можетъ освѣтить это широкое общественное теченіе, обосновать его какъ нѣчто *должное.* Мы, такимъ образомъ, стоимъ теперь передъ вопросомъ, какое значеніе имѣетъ соціализмъ для развитія индивидуальныхъ, культурно-творческихъ, т. е. цѣнныхъ личностей? При этомъ подъ соціализмомъ мы будемъ понимать коллективизмъ, т. е. хозяйственный порядокъ, построенный на принципѣ отрицанія частной собственности на средства производства и обобществленія ихъ на чисто демократической основѣ. [2]) Для большей

[1]) „Критика чистаго разума" перев. Лосскаго, стр. 211.

[2]) Мы беремъ это опредѣленіе какъ самое общее, оставляя въ сторонѣ практическій вопросъ о томъ, кто будетъ коллективнымъ хозяиномъ, общество, государство, федерація или все человѣчество.

См. Зомбартъ „Der Socialismus" на нѣмецк. яз. 5 изд. стр. 56.

ясности мы беремъ на себя смѣлость придать термину соціализмъ нѣсколько болѣе широкое значеніе, называя имъ общее міровоззрѣніе, такъ какъ подъ нимъ мы должны понимать, какъ мы это пытались показать, не только опредѣленный экономическій порядокъ, который мы можемъ назвать коллективизмомъ, но и его конечныя цѣли и его принципы, которые выходятъ за предѣлы или не укладываются въ узкую рамку только экономическихъ понятій. Коллективизмъ, такимъ образомъ, будетъ для насъ называть *средство*, соціализмъ, кромѣ того, и *цѣль*.

„Гдѣ прогрессъ, тамъ неизбѣжно есть отборъ, а отборъ долженъ въ свою очередь заключать въ себѣ какую-нибудь конкуренцію“, говоритъ Киддъ [1]). Вотъ эта-то конкуренція, которую индивидуалистическій экономическій строй даетъ во взаимной борьбѣ людей за матеріальную обезпеченность, ставится въ соціализмѣ прежде всего подъ сомнѣніе. И если бы это было такъ, то соціализмъ благодаря коллективному хозяйству потерялъ бы основу всякаго прогресса и вмѣстѣ съ ней всю цѣну для цѣнной личности. Стремясь къ соціализму, мы этимъ по словамъ противниковъ соціализма ставимъ своей задачей избавленіе человѣка отъ *всякихъ* матеріальныхъ заботъ, а такъ какъ, говорятъ противники соціализма, эти заботы являются побудительными факторами для энергіи и жизнедѣятельности человѣка, то мы, избавляя его отъ матеріальныхъ

[1]) Kidd „Sociale Evolution“ стр. 33.

заботъ, въ корнѣ подрываемъ такимъ путемъ основную двигательную пружину человѣческой энергіи и жизнедѣятельности.

Прежде всего не вѣрно то, что соціализмъ уничтожаетъ основной двигатель жизнедѣятельности. Соціализмъ, хотя онъ по своей философской недоговоренности и несформированности и не говоритъ этого, не разсчитываетъ добиться *полнаго* уничтоженія матеріальныхъ заботъ, такъ какъ въ своей *конечной* цѣли онъ представляетъ *идеалъ*, *норму* нашей соціальной и политической дѣятельности. Это конечно ничуть не лишаетъ соціализмъ цѣнности, потому что „хотя совершенный строй никогда не будетъ осуществленъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ считать правильною идею, которая выставляетъ этотъ максимумъ въ качествѣ образца, чтобы, руководясь имъ, постепенно приближать законодательство къ возможно большему совершенству“ [1]). Во вторыхъ,—и это самое важное,—матеріальныя заботы въ немъ не исчезнутъ, а примутъ только иную форму, ту форму, которая менѣе давитъ личность, высвобождаетъ ея духовныя силы и въ другую сторону. Колоссальная разница въ этихъ двухъ порядкахъ заключается въ томъ, что заботы о пропитаніи будутъ лишены ихъ „индивидуализма“, т. е. въ данномъ случаѣ ихъ *хищническаго* характера и получатъ гармоничную, облагороженную форму заботъ объ общемъ благѣ. Не

---

[1]) Кантъ „Критика чистаго разума“, пер. Лосскаго, стр. 211.

слѣдуетъ возводить въ вѣчный и непреложный законъ того, что создалось этимъ хозяйственнымъ строемъ и слѣдовательно должно исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ. „Ничто не можетъ быть болѣе вреднымъ," говоритъ Кантъ, [2]) „и менѣе достойнымъ философа, чѣмъ свойственныя черни ссылки на мнимо противорѣчащій опытъ, котораго въ дѣйствительности вовсе не было бы, если-бы учрежденія были созданы въ свое время согласно идеямъ".

Въ самомъ дѣлѣ. Въ наше время частная собственность является источникомъ дѣятельности и „культурнаго прогресса", утверждаютъ противники соціализма. Но, вѣдь, и при нашихъ условіяхъ воспитаніе и обстановка пріучили въ нѣкоторыхъ общественныхъ интересахъ усматривать и свое благо и часто жертвовать для него всѣмъ. Возьмемъ въ примѣръ войны, гдѣ солдаты, подчиняясь только привоспитанному понятію долга, жертвуютъ своей жизнью тамъ, гдѣ ихъ личные интересы какъ таковые затронуты слишкомъ мало, а то и вовсе остаются въ сторонѣ. Еще болѣе яркій примѣръ даютъ революціонеры разныхъ эпохъ. Тутъ фигурируетъ абстрактное общее благо. Въ соціализмѣ же будетъ фигурировать конкректное общее благо, которое будетъ имѣть прямое отношеніе къ повседневной жизни индивида и, одухотворяя общностью интересовъ, примѣсью альтруистическаго чувства его работу, лишитъ ее ея корыстолюбиваго характера, закла-

---

[2]) Тамъ же.

дывая уже въ самомъ матеріальномъ стремленіи вмѣстѣ съ тѣмъ фундаментъ къ культивированію цѣнныхъ личностей. Тотъ самый соціальный инстинктъ, который теперь еле-еле въ состояніи дотянуть людей до первой кости, при коллективистическомъ строѣ долженъ стать необходимо дѣйствительнымъ соціальнымъ факторомъ, потому что у пламени хищническаго, животнаго инстинкта самосохраненія будетъ отнято масло, разжигающее его въ цѣлый пожаръ, — пожаръ, который угрожаетъ спалить культуру духа. И какъ воспитательный факторъ эта перемѣна личнаго характера заботъ на общественный должна оказаться могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ взращиванія культурно плодотворныхъ соціальныхъ цѣнныхъ личностей, не нарушая въ то-же время ихъ индивидуальнаго характера.

То-же самое гипостазированіе фактовъ въ непреложный законъ приходится отчасти видѣть и въ утвержденіи Кидда [1]), что „интересы соціальнаго организма и его индивидовъ стоятъ всегда (?) другъ противъ друга какъ злѣйшіе враги“. Это утвержденіе и то не въ столь безграничной формѣ, какъ у Кидда, нужно разсматривать какъ слѣдствіе, которое необходимо вытекаетъ изъ сущности хищническаго строя индивидуалистическаго хозяйства и „свободной“ конкуренціи. Каждый подъ страхомъ гибели принужденъ тащить въ свою нору, и то, что уноситъ одинъ, хотя бы только изъ жадности, теряютъ

[1]) Стр. 73.

всѣ остальные, межъ тѣмъ какъ общая сокровищница не только не является общею цѣлью, но и нерѣдко становится предметомъ тѣхъ же ненасытныхъ желаній перетащить все въ свое логовище. Иначе должно обстоять дѣло, если черезъ это общее будутъ удовлетворяться непосредственно насущные интересы: этимъ, на нашъ взлядъ, между индивидуальными и соціальными интересами вражда, о которой говоритъ Киддъ, была бы не только ослаблена, но между ними могла-бы установиться органическая связь.

Въ этой связи небезъинтересно коснуться въ нѣсколькихъ словахъ стараго, но тѣмъ не менѣе очень поучительнаго факта: въ наше время мы на каждомъ шагу сталкиваемся въ ученыхъ кругахъ съ меланхолическими вздохами по чудному античному времени, которое въ среднемъ по интенсивности интеллектуальной, эстетической и пр жизни ставится неизмѣримо выше нашего времени. Едва-ли кто-либо, въ достаточной степени знакомый съ дошедшими до насъ памятниками античной культуры, станетъ отрицать классическую красоту и величіе того міра въ его квинтэссенціи. Но въ только что упомянутомъ выводѣ кроется *глубоко трагическая* мысль [1]), что мы не ушли впередъ, а отстали. Хуже: мы перешагнули кульминаціонное напряженіе размаха человѣческихъ силъ

[1]) Интересно, что Гегель принадлежитъ къ числу этихъ людей, не смотря на то, что не греческій, а германскій міръ продиктованъ абсолютнымъ знаніемъ какъ высшая, завершительная эпоха въ развитіи объективнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и абсолютнаго духа.

и идемъ... куда? Во всякомъ случаѣ къ обнищанію культуры, которая явится прямымъ слѣдствіемъ уменьшенія интенсивности культурно-творческихъ силъ человѣка. Но это не такъ, и обожаніе античнаго міра не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно жизненнаго для цѣнной личности убѣжденія, что мы идемъ впередъ, а не назадъ. Интенсивность и размахъ античнаго творчества—въ широкомъ смыслѣ слова—проявились не у скиѳовъ, не у рабовъ, а у рабовладѣльцевъ, какими были греки. И чѣмъ больше мы вдумываемся въ жизнь грека, тѣмъ болѣе мы приходимъ къ заключенію, что расцвѣтъ научной и эстетической жизни былъ-бы рѣшительно немыслимъ, если бы рабы не снимали съ плечъ грека крупной части гнета матеріальныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что тогда жизнь еще не успѣла выростить подобныхъ современнымъ чудовищныхъ, хищническихъ аппетитовъ. Такимъ образомъ мы совершаемъ крупную ошибку, сравнивая средняго человѣка нашего времени съ среднимъ человѣкомъ греческаго міра. Для вѣрнаго сравненія надо взять всю аѳинскую массу, массу рабовъ и невольниковъ всяческаго рода; тогда, думается намъ, картина измѣнится, хотя мы не такъ далеко ушли въ массѣ отъ того времени, какъ это можетъ показаться оптимисту. Намъ остается къ этому только добавить, что вообще эти сравненія далеко не плодотворны: разныя времена—разныя требованія и интеллекта не измѣришь. Но на одинъ выводъ отсюда у насъ есть право, это,--что уничтоженіе гнета матеріаль-

ныхъ заботъ дѣйствительно даетъ человѣку возможность затратить свои силы на культурное творчество и расширяетъ значительно область отбора культурно-творческихъ личностей. Этому расширенію отбора и служитъ коллективное хозяйство соціализма.

Но, отвѣтятъ намъ, для отбора нужна конкуренція, соревнованіе. Намъ нѣтъ нужды отрицать этого условія прогресса. Пусть этотъ біологическій законъ остается въ полной силѣ, и мы спрашиваемъ себя, гдѣ это условіе въ соціализмѣ? Но мы уже раньше указывали на то, что въ сущности соціализмъ въ коллективизмѣ видитъ средство не къ уничтоженію *всякой* борьбы за существованіе, а только къ перенесенію ея изъ сферы, вредно дѣйствующей на развитіе самыхъ дорогихъ силъ человѣка, въ сферу общихъ интересовъ, коллективной борьбы, которая должна дать возможность высвободить культурно-творческія силы человѣка. Такимъ образомъ, борьба за существованіе остается, но принимаетъ достойную личности форму: біологическій законъ не нарушается, а человѣкъ только благодаря своему все развивающемуся интеллекту научается комбинировать его разрозненныя проявленія, добывая себѣ такимъ путемъ свободу не уничтоженіемъ его проявленій, а путемъ *разумнаго* удовлетворенія вытекающихъ изъ него требованій.

Во вторыхъ, прогрессъ намъ, главнымъ образомъ, важенъ въ сферѣ культурно-творческой дѣятельности, къ которой мы, конечно, не можемъ причислить хищническую изощренность.

Въ эту область и должна будетъ перейти, главнымъ образомъ, борьба, соревнованіе и конкуренція, но это уже будетъ борьба за существованіе идей, культурныхъ цѣнностей и благъ. Благодаря коллективной матеріальной борьбѣ индивиду открывается полная свобода и возможность конкурировать въ сферѣ чистой культуры на *дѣйствительно* равныхъ условіяхъ. И если намъ станутъ возражать, что только матеріальные интересы въ состояніи двигать тяжелую современную машину, то мы еще разъ укажемъ на присутствіе матеріальныхъ интересовъ, хотя и въ коллективной формѣ, въ соціализмѣ, а самое главное, —признаютъ-ли противники соціализма, что всѣ ученые, литературные, политическіе и истинно культурные дѣятели нашего и другихъ временъ искали и творили только изъ-за погони за матеріальными благами? Конечно нѣтъ. И больше всего потому, что это значило-бы совершенно не понимать человѣческаго духа, слишкомъ низко цѣнить даже самое лучшее въ немъ.

Такимъ образомъ равенство нужно какъ необходимое условіе широты и неподдѣльности отбора. Паульсенъ въ своей системѣ этики [1]) подчеркиваетъ, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы ввести равенство, а въ томъ, чтобы открыть всѣмъ болѣе одареннымъ природой путь къ высшимъ и руководящимъ мѣстамъ въ обществѣ и предоставить имъ и всѣ внѣшнія необходимыя условія для ихъ развитія. Но уже самое „или

[1]) т. II (нѣмецк. изд.) стр. 425 и сл.

то,—или другое“ въ данномъ случаѣ недопустимо. Теперь въ сущности благодаря именно соціальному неравенству болѣе одаренными въ громадномъ большинствѣ оказываются тѣ, кто обладаетъ лучшими экономическими или общественными —по своему положенію—условіями. Въ самомъ лучшемъ случаѣ имя и званіе оказываютъ нѣкоторый гипнозъ и кладутъ свою тяжелую руку на ту чашку вѣсовъ, на которой лежитъ дарованіе привилегированнаго. Но, вѣдь, и Паульсену, какъ и всѣмъ глубоко заинтересованнымъ въ культурѣ важно не общественное неравенство, а цѣнныя личности и творческое многообразіе; важно, чтобы уравненіе *не понизило* культурнаго уровня.

Центръ тяжести такимъ образомъ лежитъ въ духѣ, въ умственномъ, интеллектуальномъ, личномъ творческомъ неравенствѣ. А для послѣдняго общественное и соціальное равенство есть только бѣлый фонъ, на которомъ каждый цвѣтъ будетъ еще рѣзче выдѣляться въ своей индивидуальности. Равенство соціальное вовсе не обозначаетъ, что люди всѣ должны быть подведены подъ одинъ уровень. Это справедливо только относительно объективныхъ условій, чтобы вызвать тѣмъ большее многообразіе субъектовъ. Какъ противоположныя электричества притягиваются другъ къ другу, такъ и индивидуализмъ въ смыслѣ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей не исключается коллективизмомъ въ хозяйствѣ, но наоборотъ,—максимальная возможность индивидуализаціи является его пря-

мымъ слѣдствіемъ, во-первыхъ, потому, что этимъ путемъ соціализмъ повыситъ общій уровень массы, а во-вторыхъ, отборъ замѣтныхъ, творческихъ индивидуальностей долженъ будетъ естественно совершаться изъ большей массы людей, т. е. шансы обогащенія культурнаго творчества колоссально увеличиваются. Соціализмъ, конечно, не уничтожитъ стремленія къ обезпеченію себя и своихъ, но онъ, придавъ ему изъ рѣзко эгоистической общественную форму, поставитъ ему такія границы, которыя сведутъ возможность развитія этого *антикультурнаго* инстинкта за счетъ другихъ способностей человѣка на минимумъ. Соціализмъ хочетъ сравнять, „подстричь подъ одну гребенку“ только мощь этого инстинкта и его проявленій, чтобы дать тѣмъ большую свободу развитію культурно-творческихъ силъ личности.

Слѣпая безграничная вѣра въ силу природнаго отбора должна исчезнуть и уступить свое мѣсто искусственному комбинированію разнообразныхъ условій жизни человѣка. Этимъ путемъ соціализмъ съ полнымъ правомъ можетъ разсчитывать добиться какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи несравненно большаго, чѣмъ можетъ дать слѣпой, расточительный и безпощадно жестокій ходъ естественнаго, некультурнаго отбора. Человѣкъ и тутъ долженъ опознать себя и понять, что его дѣло внести въ безпорядочную расправу природы смыслъ и цѣлесообразность.

Хозяйственное равенство, однообразіе для духовнаго многообразія, хозяйственный коллекти-

визмъ для личнаго индивидуализма—таковъ лозунгъ соціализма и инымъ онъ быть не можетъ, не теряя всякаго значенія для культурной личности.

Наша оцѣнка соціалистическаго средства—коллективизма требуетъ того, чтобы мы въ нѣсколькихъ словахъ коснулись и сѣтованій на то, что современное техническое производство отняло у рабочаго возможность сознавать, что онъ создаетъ что-то цѣлое, любить это цѣлое, вкладывать въ него свою идею. Если современная техника даетъ такіе результаты, то, говорятъ намъ, постоянно совершенствующаяся техника будущаго, а значитъ и соціализма, можетъ создать своего рода профессіональныя уродливости. Все это такъ и въ то-же время не такъ. Намъ представляется, что прежній мастеръ со своимъ самостоятельнымъ производствомъ былъ уже не такъ близокъ къ тѣмъ нѣсколько сентиментальнымъ идеямъ о красотѣ, оригинальности своего продукта, которыя ему приписываютъ современные хозяйственные индивидуалисты. Если мы сравнимъ работу прежняго мастера съ работой современной фабрики, то мы увидимъ, что между ними колоссальная ранзица простого и сложнаго. На наивную психологію прежняго мастера современная фабрика произвела бы не однообразно скучное, а грандіозно-потрясающее впечатлѣніе. Отдавая предпочтеніе прежнему мастеру съ его цѣльнымъ продуктомъ, защитники забываютъ одно, что у рабочаго есть уши, глаза, умъ; что онъ видитъ и слышитъ, что совершается вокругъ него; что онъ со

своимъ жалкимъ, частичнымъ трудомъ находится въ фабрикѣ съ самымъ сложнымъ устройствомъ, видитъ и другіе частичные продукты, видитъ часто и ихъ цѣлое, видитъ машины, однимъ словомъ стоитъ въ самой тѣсной связи со всей техникой своей фабрики. Эта совмѣстность не можетъ остаться безслѣдной для рабочаго. Фабричные рабочіе духовно *и стоятъ* несравненно выше земледѣльцевъ даже тамъ, гдѣ и первые живутъ въ селахъ. Такимъ образомъ, рѣчь могла бы идти о физическомъ уродованіи, но тутъ-то именно и лежитъ главное основаніе того, почему современный хозяйственный строй долженъ въ самой своей основѣ считаться отжившимъ и антикультурнымъ. Этотъ строй взваливаетъ на плечи работника непосильную работу, онъ закабаляетъ все его время, не оставляя ни минуты лишней для другихъ занятій. Отсюда и роковыя послѣдствія для тѣла и духа. И только соціализмъ можетъ помочь этому кардинальному злу. Такимъ образомъ главное основаніе зла, сквернаго дѣйствія современной спеціализированой усовершенствованной техникой работы на личность заключается не столько въ самой техникѣ, сколько въ варварскомъ, хищническомъ использованіи силъ рабочаго.

Такимъ образомъ общій выводъ изъ нашей попытки оцѣнки соціализма, правильнѣе въ данномъ случаѣ—коллективизма съ точки зрѣнія интересовъ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей таковъ, что коллективизмъ въ хозяйствѣ является самой благопріятной средой для роста цѣнныхъ личностей.

Мы должны теперь посвятить нѣсколько словъ вопросу о томъ, не рискуетъ-ли соціализмъ въ своей погонѣ за полнымъ расцвѣтомъ культурно-творческихъ силъ индивидуальной цѣнной личности во всемъ количественномъ и качественномъ многообразіи, которое только позволяетъ развернуть дѣйствительность,—не рискуетъ-ли онъ въ такомъ случаѣ впасть въ крайній индивидуализмъ, разорвать культуру на атомы, въ то время какъ культура по самой своей сущности есть цѣнность-совокупность, т. е. цѣлое незамѣнимыхъ, своеобразныхъ, но тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ цѣнностей?

Мы уже намѣтили въ предъидущихъ страницахъ то направленіе, въ которомъ мы видимъ вѣрное разрѣшеніе этой проблемы. Какъ на достаточный противовѣсъ опасности впасть въ крайній индивидуализмъ, который порываетъ всѣ соціальныя нити, можно указать на ту-же сферу культурныхъ цѣнностей и ихъ творчества,—*общаго* богатства индивидовъ,—цементъ, который ихъ скрѣпляетъ крѣпче всякихъ принудительныхъ связей. Культурныя цѣнности, кѣмъ бы онѣ не создавались, составляютъ *общее* благо. Личность заинтересована въ ихъ возможно большемъ многообразіи и своеобразіи. Какъ уже было замѣчено, въ этой области соперничества и борьбы мы встрѣчаемся съ совершенно обратнымъ явленіемъ, чѣмъ то, съ которымъ мы сталкиваемся въ сферѣ современной экономики. Созданіе новой оригинальной культурной цѣнности обозначаетъ въ одинаковой степени обогащеніе или во всякомъ

случаѣ принципіальную возможность обогащенія какъ сознанія творца ея, такъ и всякой другой личности, пріобщенной къ культурному развитію. Болѣе того,—чѣмъ индивидуальнѣе и своеобразнѣе продуктъ творчества отдѣльной личности, этого въ данномъ случаѣ тоже собственника, тѣмъ богаче каждый индивидъ, который состоитъ или будетъ состоять членомъ культурнаго сообщества. И только современный хищническій строй съумѣлъ и сюда внести ту-же самодовольную обособленность загнанности или привилегированности, въ которой такъ душно истинной культурѣ, которая рвется на просторъ и даже теперь часто прорываетъ тѣ капиталистическія стѣны, которыми ее отгородили отъ такъ называемой массы. Всякій новый продуктъ культурнаго творчества при *нормальныхъ* условіяхъ представляетъ новое благо для каждой культурной личности, потому что онъ обогащаетъ его сознаніе. Въ этомъ залогъ того, что соціализмъ на этомъ пути далекъ отъ опасности атомизированія человѣчества. Потому что этотъ цѣнный индивидуализмъ базируетъ на твердой основѣ двухъ могучихъ факторовъ: съ одной стороны, общность матеріальныхъ интересовъ гарантируетъ ростъ соціальнаго инстинкта и создаетъ богатую возможность культурнаго творчества, съ другой,—индивидуальность въ творчествѣ и его продуктахъ протягиваетъ посредствомъ гармоніи, общей связи цѣнностей безчисленныя нити общенія и связи между индивидами.

И если въ наше время „удѣломъ величія слу-

житъ одиночество", то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что современный строй даетъ полный просторъ конкуренціи только въ промышленной сферѣ, а въ остальномъ,—этикѣ, религіи, въ т. н. общественномъ мнѣніи налагаетъ на все печать опредѣленнаго кодекса и вѣками вскармливаетъ упорный консерватизмъ, который прививается каждому изъ насъ съ дѣтства. Въ борьбѣ новаго съ старымъ послѣднему почти всегда отдаются на помощь всѣ руководящія силы буржуазнаго строя. И въ результатѣ дѣйствительное „величіе" только черезъ горнило „одиночества" чуть не вѣками, еле-еле пробивается къ всеобщему признанію. Одна изъ самыхъ существенныхъ цѣлей будущаго и должна заключаться въ созданіи такого modus'a vivendi, который гарантировалъ бы по возможности безболѣзненный переходъ отъ стараго, отжившаго къ новому назрѣвшему. Тогда и лучи геніальности будутъ просвѣчивать черезъ всю толщу культурной массы и будутъ озарять своевременно не только „величіе", но и всю объективную культуру въ ея неразрывномъ цѣломъ. Такимъ образомъ, цѣнныя личности и продукты ихъ творчества образуютъ своеобразную систему, которая представляетъ дѣйствительное царство свободы.

Но царство свободы должно быть рѣзко разграничено съ царствомъ произвола. Между свободой и произволомъ колоссальная разница, которая часто остается незамѣченной и ведетъ нерѣдко къ нелѣпымъ заключеніямъ. Эта разница въ достаточной мѣрѣ намѣчается указаніемъ, что

свобода не только не чужда необходимости, но и предполагаетъ ее какъ свой элементъ въ видѣ *разумной*—въ широкомъ смыслѣ—необходимости. Свобода тамъ, гдѣ она дѣйствительно проявляется, исключаетъ всякую возможность немотивированныхъ безсознательныхъ поступковъ и въ этомъ заключается та пропасть, которая отдѣляетъ свободу отъ произвола. Такимъ образомъ, въ свободѣ всегда кроется извѣстная доля элемента принужденія. Это то смѣшеніе и объясняетъ отчасти то обстоятельство, что соціализму бросаютъ упрекъ въ порабощеніи человѣка. Какъ мы попытаемся показать позже, этотъ упрекъ съ большимъ правомъ можетъ быть обращенъ противъ иной стороны современной соціалистической теоріи. На коллективное же хозяйство этотъ упрекъ на нашъ взглядъ падаетъ несправедливо. Соціализмъ стремится избавиться отъ произвола въ его основной формѣ въ области экономики и потому онъ съ такимъ пламеннымъ негодованіемъ борется противъ капитализма,—онъ жаждетъ дать личности свободу и потому ему нечего бояться ограниченія человѣка тамъ, гдѣ это ограниченіе диктуется справедливостью и разумомъ, т. е. гдѣ можно за минимумъ ограниченія въ служебной отрасли добиться свободы въ другихъ самодавлѣющихъ областяхъ человѣческаго творческаго духа.

Этотъ упрекъ соціализму объясняется еще и тѣмъ, что ему навязывается идея *практическаго* осуществленія *абсолютной* свободы и полнаго отсутствія какого бы то ни было принужденія. По-

мимо уже указаннаго недоразумѣнія съ понятіемъ свободы противники соціализма навязываютъ ему идею, которая не можетъ входить въ програму его практическихъ цѣлей въ такомъ неограниченномъ видѣ. Поддерживающій эти упреки, хотя и съ особой точки зрѣнія, Бердяевъ говоритъ въ своей книгѣ „Новое религіозное сознаніе и общественность“ стр. 93, что соціализмъ будетъ основанъ „на принудительной организованности“. „Соціалистическое государство будетъ основано на совершенномъ и окончательномъ народовластіи, на абсолютно неограниченномъ характерѣ коллективной общественной воли“ [1]). Если бы это было такъ, то это означало бы полную гибель цѣнной личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого соціализма, къ которому долженъ быть примѣненъ тотъ же необходимый критерій культурно-творческихъ интересовъ цѣнной личности. Все это принимаетъ иной оттѣнокъ, если мы припомнимъ слѣдующее: тѣ же аргументы могутъ побудить насъ, если признать ихъ силу, считать и нравственнаго человѣка рабомъ, потому что никто не можетъ намъ помѣшать и къ его волѣ приложить тѣ же эпитеты „неограниченная“, „абсолютная“, такъ какъ этика категорическаго императива, наприм., подчиняетъ человѣка въ абсолютной формѣ нормамъ. Говорить о неограниченномъ господствѣ массы надъ самой собой какъ о рабствѣ рисковано потому, что массы

[1]) Стр. 94.

какъ массы нѣтъ, а она составляется изъ тѣхъ же „я“, которыя и проявляютъ въ ней свою коллективную волю. Но центръ тяжести мы должны перенести въ другой аргументъ. Къ соціализму нельзя прилагать только абсолютную мѣру, оцѣнку, а вмѣстѣ съ нею и выборъ необходимо направить на сопоставленіе въ данномъ случаѣ двухъ объектовъ сравненія: современнаго строя и строя соціалистическаго. Въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ дѣло идетъ не о прямомъ осуществленіи идеала, нормы, чѣмъ долженъ представляться соціализмъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, какъ мы ихъ понимаемъ, а только о степени соотвѣтствія ей,—мы сказали-бы: о степени приближенія къ идеалу, если бы это слово не вносило нѣкотораго невѣрнаго оттѣнка. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ передъ лицомъ судилища на основѣ интересовъ цѣнной личности выступаютъ два строя: современный хищническій строй, который свелъ подъ видомъ экономической свободы личность и ея духовныя силы къ рабству, отдавъ все въ человѣкѣ на служеніе и растерзаніе мамонѣ, и, съ другой стороны, строй будущаго, который подчиняетъ необходимости и „абсолютной“ коллективной волѣ *служебную* область экономики и связанныхъ тѣсно съ нею отраслей, чтобы дать *тѣмъ большій* просторъ и свободу личности во всей остальной ея самодовлѣющей жизни. И интересы цѣнной личности требуютъ повелительно второго строя.

Такимъ образомъ, на вопросъ о томъ, будетъ-ли въ соціализмѣ существовать принудительный

элементъ, мы можемъ отвѣтить вполнѣ утвердительно. Соціализмъ не анархизмъ, съ которымъ его смѣшиваютъ какъ противники, такъ и черезчуръ горячіе сторонники. Съ нашей точки зрѣнія мы можемъ смѣло предположить, что соціалистическій строй требуетъ строго проведенной, сильной власти вмѣстѣ съ строгой, прямо военной дисциплиной. Мы беремъ худшій случай, который только мыслимо предположить въ данномъ случаѣ. И тѣмъ не менѣе основная мысль о взаимной обусловленности коллективнаго хозяйства и личнаго индивидуализма остается въ полной силѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Противники соціализма, какъ уже было сказано, мѣряютъ его масштабомъ, который можетъ быть примѣненъ только къ утопіи, обѣщающей земной рай чистѣйшей воды, т. е. они сравниваютъ соціализмъ въ узкомъ смыслѣ съ *абсолютнымъ* идеаломъ, подлежащимъ проведенію въ дѣйствительность. Правда, соціалистическая ортодоксія подала къ этому нѣкоторый поводъ, но современный соціализмъ становится и долженъ встать на болѣе здоровую трезвую почву. Въ дѣйствительности соціализмъ нужно мѣрить въ данномъ случаѣ не степенью осуществленія *абсолютнаго* идеала, потому что соціализмъ какъ практическая цѣль въ *узкомъ* смыслѣ, какъ экономическій строй не можетъ обозначать собой заключительнаго, конечнаго слова исторіи и человѣческаго развитія, а его мы должны на основѣ нашего критерія интересовъ цѣнной личности сопоставить съ его прямымъ противникомъ, буржу-

азнымъ строемъ, т. е. мы должны ихъ разсматривать въ ихъ отношеніи къ соціальной нормѣ.

Предположимъ теперь худшій случай, что соціализмъ введетъ желѣзную дисциплину въ своей промышленной арміи. Прямымъ слѣдствіемъ этого факта будетъ неоспоримо значительное пониженіе обязательнаго рабочаго времени. Уже одно колоссальное количество безработныхъ на низахъ и верхахъ человѣчества даетъ право разсчитывать на значительное пониженіе обязательнаго рабочаго дня. Всѣ люди тогда станутъ въ ряды рабочей арміи и должны будутъ подчиниться строгой, военной дисциплинѣ, но такъ какъ господство промышленной арміи распространяется только на вещи и только отсюда въ необходимой строго ограниченной мѣрѣ на силы личности, то и это строгое подчиненіе можетъ распространяться только на обязательное рабочее время, которое оставляетъ взамѣнъ этого достаточную часть дня свободной для потребностей личности. За извѣстное число часовъ строгаго подчиненія разумной необходимости организаціи,—эта разумная необходимость даетъ намъ право назвать это подчиненіе свободнымъ,—личность покупаетъ себѣ полную свободу. Уже одно избавленіе отъ сплошного пискариннаго испуга, боязни грядущаго дня, голода, необезпеченности, боязни передъ властью имущими, передъ всей капризной сумятицей современной экономической жизни, вообще—передъ „завтрашнимъ днемъ“,—одно это чувство твердой почвы подъ ногами должно искупить всякое под-

чиненіе, свалить гору съ плечъ личности и дать ей возможность вздохнуть полной грудью.

Самая забота о матеріальныхъ благахъ, одѣтая въ коллективную форму, никогда не можетъ угнетать всего существа личности, какъ это наблюдается въ современной обстановкѣ. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить дѣятельность политическихъ работниковъ, которые, ратуя за общее благо и въ немъ за свое собственное, почти никогда не повергаются въ такое отчаяніе или въ такое душевное смятеніе, если ихъ дѣло не удается, какъ это бываетъ почти всегда съ тѣми-же льдьми въ ихъ частной жизни, когда дѣло касается только одного даннаго лица. Подчиненіе хотя-бы и желѣзной дисциплинѣ на короткое время и въ строго опредѣленной сферѣ становится микроскопическимъ необходимымъ зломъ въ сравненіи съ гнетомъ современной матеріальной неувѣренности. Страшная гидра матеріальной бѣды, даже простой матеріальной неустойчивости, которая теперь поглощаетъ милліоны интеллектовъ, думъ и вздоховъ, которая какъ Медуза своими ужасными глазами приковала всѣ помыслы подавляющаго большинства человѣчества, тогда будетъ хоть на время смыкать свои теперь всегда недремлющія очи, и прекратится тотъ проклятый кошмаръ, который душитъ человѣка цѣлый вѣкъ, пока его не освободитъ могила, т. е. смерть всего того, что могло бы имѣть при иныхъ условіяхъ отъ данной личности человѣчество. Большинство теперь, сходя въ могилу, должно себѣ сказать какъ Щедринскій

Крутицынъ: [1]) „и я принесъ свою долю вреда". Соціализмъ-же гарантируетъ намъ, что тѣ, кто этого захочетъ, сможетъ создать изъ своей жизни цѣльный и цѣнный продуктъ.

Такимъ образомъ, соціализмъ не только налагаетъ на человѣка обязанности, онъ даетъ ему крупныя права. Но личность не только будетъ пользоваться правами, у ней будутъ и обязанности. И среди этихъ обязанностей самое почетное мѣсто должно быть отведено обязанности по отношенію къ человѣческому „я", цѣнной личности. Ради *нея* нуженъ соціализмъ, ради *нея* онъ стремится къ свободѣ, равенству и братству; *равенство* нужно въ объективныхъ условіяхъ, *свобода*,—для человѣческихъ „субъективныхъ" проявленій личности, и тогда въ качествѣ необходимаго слѣдствія ихъ явится расцвѣтъ цѣнныхъ личностей и ихъ *братство* въ культурныхъ цѣнностяхъ.

VI.

Идея цѣнной личности и діалектическій методъ.

Если примѣненіе по отношенію къ коллективизму критерія интересовъ культурно-творческихъ личностей и самое признаніе цѣнной личности за основную предпосылку не только не привело насъ къ признанію ихъ несовмѣстимости,

[1]) „Счастливецъ" въ „Мелочахъ жизни".

а мы, наоборотъ, пришли къ заключенію, что коллективизмъ диктуется этими интересами, то къ инымъ результатамъ придемъ мы, обратившись съ тѣмъ-же критеріемъ къ оцѣнкѣ діалектическаго метода, этого мага и волшебника марксистской теоріи. Эта оцѣнка діалектики и ея слѣдствій тѣмъ болѣе важна, что она стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ признаніемъ цѣнной личности и необходимыми условіями самой ея возможности.

Страшно подумать, какія рѣзкія противорѣчія и диссонансы могутъ цѣлыми десятилѣтіями гнѣздиться въ теоріяхъ, которыя составляютъ предметъ глубокаго интенсивнаго интереса самой интеллигентной части человѣчества, и тѣмъ не менѣе у ней не хватаетъ достаточной силы, чтобы съ корнемъ вырвать эти сорныя травы и положить конецъ всей недоговоренности и неполнотѣ данной теоріи. Та самая человѣческая цѣнная личность, которая должна составлять въ сущности альфу и омегу соціалистическихъ стремленій, основной принципъ всей теоріи, въ корнѣ уничтожается тѣмъ, что личности превращаются въ атомы, подчиненные простымъ механическимъ законамъ, что онѣ сводятся къ безсмысленной игрушкѣ, къ жалкой щепкѣ, которую волны бурнаго океана экономическихъ отношеній кидаютъ изъ стороны въ сторону. Духовная, культурно-творческая жизнь, которая составляетъ сущность цѣнной личности, является простымъ слѣдствіемъ извѣстнаго стеченія экономическихъ условій и, такимъ образомъ, эта дѣятельность должна быть

изъята изъ области самостоятельности личности. Этимъ цѣнной личности, а вмѣстѣ съ ней и соціализму, немыслимому безъ нея, наносится смертельный ударъ. Цѣнная личность должна сознавать себя самостоятельнымъ събуектомъ своихъ цѣнныхъ проявленій, а съ діалектическо-матеріалистической точки зрѣнія человѣкъ становится балалайкой, на которой суровая дѣйствительность наигрываетъ свои безжалостныя пѣсенки. Что-же остается еще тогда въ человѣкѣ и для человѣка?—Жизнь автомата, мнящаго себя чѣмъ-то цѣннымъ, и пустое пространство, именуемое желудкомъ и подлежащее наполненію.

И тутъ снова возникаетъ тотъ-же роковой вопросъ о томъ, къ чему набивать желудки этихъ животныхъ и именно этихъ, а не иныхъ, этихъ жалкихъ игрушекъ дѣйствительности, если они для насъ только автоматы? Почему мы не горюемъ надъ растертымъ въ порошокъ кускомъ угля и сожалѣемъ о разбитой въ дребезги статуѣ? Почему мы, даже ни минуты не останавливаясь, уничтожаемъ десятки животныхъ жизней и содрагаемся при видѣ человѣческихъ труповъ? Вѣдь, не въ одномъ же животномъ инстинктѣ дѣло. И даже пусть будетъ такъ. Но у насъ этотъ инстинктъ принимаетъ иную форму и онъ только постольку имѣетъ цѣну. Чѣмъ мы культурнѣе, тѣмъ выше мы цѣнимъ одухотворенную, разностороннее развитую личность, хотя-бы она была физически слаба [1]). Значитъ для насъ важно не

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы далеки отъ мысли исключить физическое изъ области цѣнностей.

только физическое сохраненіе особи. Нѣтъ!—Мы цѣнимъ въ каждой личности возможность культурнаго индивидуальнаго творчества и самый принципъ человѣка. Такимъ образомъ и тутъ все таже дилемма: или человѣкъ—цѣнная личность, но тогда должны быть отброшены въ сторону тѣ придатки соціалистическаго ученія, которыми, не понимая сущность естественныхъ законовъ какъ обобщеній, лишенныхъ значенія относительно индивидуальнаго, насилуютъ это индивидуальное и обращаютъ жизненный принципъ соціализма, цѣнную личность, въ ничто; или-же человѣкъ—игрушка стеченія экономическихъ условій, но тогда въ соціализмѣ нѣтъ и тѣни смысла. И крупную долю уничтожающихъ основную предпосылку соціализма факторовъ приходится разсматривать какъ прямыя слѣдствія матеріалистической точки зрѣнія и діалектическаго метода.

Прежде всего, соціалистическая теорія въ корнѣ отрѣзала подъ вліяніемъ діалектическаго метода самую возможность абсолютныхъ цѣнностей; въ этомъ отношеніи соціализмъ является прямымъ наслѣдникомъ Гегеля, для котораго то, что должно быть, но чего еще нѣтъ, было простымъ абсурдомъ. Межъ тѣмъ цѣнная личность немыслима безъ признанія такихъ цѣнностей, потому что въ нихъ заложена возможность и смыслъ ея дѣятельности, не говоря уже о томъ, что соціализмъ не можетъ, съ другой стороны, найти оправданіе безъ признанія ея абсолютной цѣнности. И было бы большой ошибкой предполагать, что со-

ціализмъ дѣйствительно удержался во всемъ на той чуждой ему по существу почвѣ, на которую вынудилъ его встать діалектическій методъ. И только все та-же недоговоренность какъ будто затушевываетъ такого рода отступленія.

Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ слѣдующее обстоятельство. Все мѣняется, говоритъ намъ современный соціализмъ. Нѣтъ нерушимыхъ философскихъ, политическихъ, религіозныхъ и т. д. идей. Все находится въ непрерывающемся процессѣ становленія. Такова приблизительна одна изъ самыхъ основныхъ мыслей современнаго марксистскаго соціализма, продиктованная ему діалектическимъ методомъ. Межъ тѣмъ соціализмъ принужденъ съ перваго-же шага выставлять законы и утвержденія абсолютнаго характера. Уже самая его предпосылка, какъ мы видѣли, отличается абсолютнымъ характеромъ. Но мы можемъ привести въ примѣръ хотябы пресловутый законъ зависимости отъ экономики всѣхъ т. н. „надстроекъ“. И соціализмъ больше чѣмъ какое-либо другое ученіе долженъ прибѣгать къ такого рода абсолютнымъ положеніямъ и, какъ это ни парадоксально звучитъ, къ такимъ принципамъ абсолютной значимости онъ долженъ прибѣгать въ области... этики. Абсолютная цѣнность личности и вытекающіе отсюда идеалы не что иное, какъ этическое требованіе въ категорической, абсолютной формѣ. Тутъ не мыслимо для культурнаго сознанія, въ особенности для соціалистическаго, какое бы то ни было „если“, которое могло бы обусловливать этотъ по-

стулатъ и придавать ему гипотетическую форму. Эта цѣнность и ея выводы *должны* быть приняты въ абсолютной формѣ. Она *должна* быть изъята изъ власти времени и пространства, чтобы не уничтожить самую личность, чтобы гарантировать ей основу всѣхъ ея помысловъ и чаяній. Онъ, этотъ постулатъ, неотвержимъ: будетъ онъ изгнанъ изъ теоріи, онъ найдетъ себѣ въ безсознательной или недостаточно выясненной формѣ доступъ къ своему проявленію. Въ такой несознаной формѣ и живетъ онъ въ современномъ соціализмѣ. Онъ нуженъ для того, чтобы соціализмъ имѣлъ смыслъ, чтобы яркимъ пламенемъ горѣлъ священный огонь гуманности и любви къ человѣчеству. А, вѣдь, это возможно только, если эта цѣнность выступаетъ въ видѣ абсолютной нормы, потому что фактическая дѣйствительность не можетъ намъ дать этой основы. Ради временной цѣнности нельзя желать привести въ движеніе всего человѣчества; во всякомъ случаѣ такая цѣнность никогда не можетъ претендовать на общечеловѣческую значимость и не можетъ занимать мѣста основного принципа.

Какъ мы уже замѣтили выше, это отрицаніе обсолютныхъ цѣнностей и принциповъ, это крайнее утвержденіе принципа, все течетъ получено въ наслѣдство отъ Гегеля вмѣстѣ съ его діалектическимъ методомъ. Но Гегель послѣдовательно увидѣлъ себя вынужденнымъ встать на точку зрѣнія *абсолютнаго* знанія, которую конечно соціализмъ принять не можетъ, не подвергаясь крайней опасности, а то пожалуй и необходи-

мости пуститься въ безбрежное море метафизики. Соціализмъ требуетъ абсолютной цѣнности личности, діалектика не позволяетъ признавать ничего абсолютнаго. Выводъ отсюда для насъ представляется единственный: остатся вѣрнымъ основной, жизненной предпосылкѣ, безъ которой не можетъ быть сознательнаго соціализма, и отбросить традиціонный элементъ его, сослужившій свою практическую службу, но негодный больше теперь, и это тѣмъ болѣе, что діалектическій методъ, какъ этого и надо ожидать, въ силу его несовмѣстимости съ основной предпосылкой вынуждаетъ соціализмъ во многихъ отношеніяхъ насиловать самого себя.

Терминъ „діалектическій“ методъ начинаетъ испытывать на себѣ тяжелую руку исторіи. Прегнантная яркая форма Гегелевскаго діалектическаго метода начинаетъ расплываться съ черезъ чуръ широкимъ употребленіемъ, и понемногу получается какое-то странное сѣрое представленіе, въ которомъ теряются всякія опредѣленныя очертанія. Ясно во всякомъ случаѣ одно: хотя Гегелевскій діалектическій методъ съ его обязательными стадіями развитія отъ тезиса черезъ антитезисъ къ синтезу теперь уже почти не показывается на страницахъ соціалистическихъ произведеній, тѣмъ не мѣнѣе слѣдствія этого метода, наприм., отрицаніе нормъ, долженствованія, признанія *естественно-необходимаго* прогресса и т. д. остались по прежнему и тѣмъ болѣе живутъ въ представленіяхъ массы соціалистической ингеллигенціи. Если слову діалектика при-

дать смыслъ только Гераклитовскаго принципа „все течетъ", то этимъ отбрасывается все то характерное, что заложено въ идеѣ діалектики. Всѣ ея прежнія слѣдствія остаются тогда висящими въ воздухѣ и непонятно, къ чему въ такомъ случаѣ нужно брать такой ярко выраженный и опредѣленный терминъ для обозначенія принципа, который въ матеріальномъ отношеніи едвали кто-нибудь станетъ оспаривать. Поэтому мы это толкованіе діалектики какъ произвольное можемъ оставить въ сторонѣ и въ послѣдующемъ будемъ имѣть все время въ виду діалектическій методъ въ его традиціонной формѣ; центръ его тяжести лежитъ въ мысли, что прогрессъ совершается съ *естественной необходимостью* и изъ *противорѣчій*, въ то время какъ понятіе долженствованія исключается какъ факторъ развитія совершенно.

Мы далеко не склонны усматривать въ этомъ методѣ приписываемую ему научность, въ особенности въ соціалистической теоріи. У Гегеля этотъ методъ не съ неба свалился, а былъ обоснованъ *логическимъ* путемъ, именно тѣмъ, что имъ формулировался законъ *развитія понятій*, а такъ какъ понятія представляютъ сущность и двигатель дѣйствительности, то и послѣдняя необходимо должна развиваться по діалектическому методу. Ни того, что понятіе составляетъ сущность дѣйствительности, ни такого развитія понятія соціалистическая теорія признать не можетъ. Какимъ же путемъ и по какому логическому праву она переноситъ это метафизическое

дѣтище въ свою теорію? Этого права у ней нѣтъ. Но въ немъ не только нѣтъ нужды, но наоборотъ,—этотъ методъ нарушаетъ основной принципъ соціализма и является настоящимъ источникомъ цѣлаго ряда противорѣчій.

И это не случайный придатокъ діалектическаго метода. Чтобы пояснить и обосновать это утвержденіе мы позволимъ себѣ нѣсколько отклониться и бросить бѣглый взглядъ съ той же точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности на тѣ противорѣчія, къ какимъ привелъ Гегеля діалектическій методъ [1]). Это представляетъ тѣмъ большій интересъ, что къ тѣмъ же выводамъ необходимо долженъ придти и соціализмъ, пока онъ будетъ держаться діалектическаго метода: эти выводы его *необходимыя* слѣдствія.

Систему Гегеля не мыслимо разсматривать иначе какъ систему цѣнностей. Казалось бы, что въ системѣ цѣнностей, тѣмъ болѣе при ея рѣзко выраженномъ культурно-историческомъ характерѣ, должна была бы найти себѣ мѣсто основная цѣнность культурной и исторической жизни, цѣнность личности или цѣнная личность. [2]) Но мы встрѣчаемся здѣсь съ обратнымъ явленіемъ: этой цѣнности въ Гегелевской системѣ нѣтъ мѣста и тамъ, гдѣ она незамѣтно находитъ себѣ

---

[1]) Подробнѣе: „Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи“ Вопросы Философіи и психологіи“ 1905 V.

[2]) Цѣнность личности мы не отдѣляемъ отъ цѣнной личности, такъ какъ съ нашей точки зрѣнія личность, какъ бы она незначительна ни была, не можетъ быть нецѣнной.

выходъ, это стало возможнымъ благодаря измѣнѣ діалектическому методу.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ основныхъ воззрѣніяхъ Гегеля на познавательныя силы человѣка рѣзко проявилась мысль о безсиліи человѣческаго духа. Противъ гордыхъ словъ въ его Берлинской рѣчи о познавательной мощи человѣческаго разума, оставшихся почти одинокими, стоитъ мрачная фаланга позднѣйшихъ изрѣченій, которыя констатируютъ полное безсиліе человѣческаго познанія. Оно было осуждено тащиться въ хвостѣ своего времени. И это представляетъ только послѣдовательный выводъ изъ идеи *необходимаго* прогресса, которая вытекаетъ изъ сущности діалектическаго метода и которая вошла въ число основъ современнаго соціализма. Поэтому и для соціализма неизбѣженъ этотъ выводъ. А этотъ выводъ для личности ужасенъ. Познаніе, вѣдь, тоже должно развиваться по діалектическому методу, а тѣмъ болѣе развитіе понятій. Но діалектическое развитіе развивается съ несокрушимой необходимостью и движется противорѣчіемъ. Такимъ образомъ теоретическое творчество личности, творчество понятій должно испариться, чтобы уступить свое мѣсто діалектикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ личности наносится смертельный ударъ, такъ какъ здѣсь была та сфера, въ которой личность видѣла своеобразное, доступное ей царство свободы.

Тотъ-же діалектическій методъ сводитъ на нуль личность и въ исторіи. Въ этой собственной области, настоящей сферѣ человѣческихъ интере-

совъ обнаружилось съ полною ясностью, что цѣнная личность рѣшительно несовмѣстима съ сущностью діалектическаго метода, съ его *необходимымъ* развитіемъ къ все высшимъ цѣнностямъ. Личность въ Гегелевской діалектической философіи потеряла свою основу, такъ какъ прогрессъ изъ долженствованія, изъ нормы въ этой системѣ оказался замѣненнымъ другимъ факторомъ:—*необходимымъ* прогрессомъ изъ противорѣчія. И дѣйствительно, личность у Гегеля является въ роли служителя, который самъ того не вѣдая, таскаетъ для своего господина, объ ективнаго духа, каштаны изъ огня. „Это надо назвать хитростью разума, что онъ заставляетъ страсти содѣйствовать себѣ... Идея уплачиваетъ трибутъ преходящаго бытія не изъ себя, а изъ страстей индивидовъ“ [1]). Роль личности и не могла быть иной въ системѣ, построенной на основѣ діалектическаго метода. Историческія событія развертываются съ діалектической необходимостью, и личности остается только покориться своей судьбѣ, такъ какъ она своими сознательными стремленіями къ опредѣленному будущему не только ни на іоту не можетъ свернуть съ опредѣленной діалектическимъ методомъ дорожки, но и отстать отъ своего времени она также не въ силахъ. Ея дѣятельность сводится къ какому-то миражу, погонѣ за мыльными пузырями, потому что результатъ этой дѣятельности стоитъ *внѣ всякой* зависимости отъ стремленій личности. Интересы лич-

[1]) Philosophie der Geschichte стр. 41 (2-е нѣм. изд.).

ности это *только* матеріалъ. И лишь моментами стремленія личности, совпадая безсознательнымъ путемъ съ развитіемъ абсолютной идеи, даютъ иллюзію дѣятельности, какая требуется сущностью цѣнной личности. Личности не изъ-за чего хлопотать. То, что должно быть, то и есть и будетъ въ свое время;—хотятъ этого личности или нѣтъ, дѣлаютъ онѣ для этого что-нибудь или нѣтъ, это безразлично. И если Гегель въ концѣ концовъ и прибѣгъ по необходимости къ „всемірно-историческимъ индивидамъ“, то они прокрались въ его философію исторіи тайкомъ, помимо воли діалектическаго метода. Гдѣ есть діалектическій методъ съ его необходимымъ прогрессомъ, тамъ нѣтъ мѣста сознательной дѣятельности, руководимой свободно признанными цѣнностями, а, слѣдовательно, нѣтъ мѣста и личности.

Гегелевская философія права даетъ только лишній образчикъ этого уничтоженія цѣнной личности діалектическимъ методомъ. Государство, эта „конкретизированная нравственность“ поглощаетъ личность. Не государство для личности, а личность для государства. Болѣе того, абсолютная идея въ своемъ діалектическомъ развитіи не спускается внутри рамокъ народности и государства до индивида. Низшую ступень ея углубленія въ народную жизнь представляетъ только цѣлая особь, т. е. въ переводѣ на общепринятый политическій языкъ,—абсолютная идея снисходитъ только *до сословій*, не ниже [1]). Въ результатѣ и у Ге-

[1]) Сравн. наприм. „Phänomenologie des Geistes“ стр. 336, 346, 351.

геля уже мы сталкиваемся съ непримиримымъ противорѣчіемъ во всей системѣ, особенно въ ея практической части.

И у Гегеля, и у ортодоксальнаго марксизма фигурируетъ все тотъ-же „всеразмалывающій", всеопредѣляющій насильникъ—діалектическій методъ. И тотъ, и другой пришли къ крайностямъ: Гегель хотѣлъ все вывести изъ понятія, своего рода раціоналистическій самодержавный абсолютизмъ чистаго разума, идеи; ортодоксальный марксизмъ перешелъ въ другую крайность, возведя въ абсолютъ экономическіе факторы, матерію. И тотъ, и другой уничтожаютъ цѣнность личности и однимъ и тѣмъ-же факторомъ. Если у Гегеля фигурируетъ логическое противорѣчіе, то марксизмъ видитъ тотъ-же двигатель въ матеріальномъ противорѣчіи, въ борьбѣ классовъ, идея которой есть дарвиновская идея борьбы за существованіе, перенесенная на соціальную почву.

Наше время потеряло всякую мѣру въ перенесеніи выводовъ, которые получены путемъ наблюденій надъ природой и ея жизнью, на человѣка и его организованную жизнь. И едва-ли не самое широкое употребленіе сдѣлано изъ перенесенія добытыхъ такимъ путемъ принциповъ на развитіе человѣческаго общества. При этомъ упускается совершенно изъ виду въ высшей степени важное обстоятельство, на которое мы уже указывали прежде,—что человѣкъ насъ интересуетъ *не только* какъ органическая часть безконечнаго мірового цѣлаго, но что мы всѣ наши самыя крупныя познавательныя силы направляемъ на разгадку толь-

ко ему одному свойственныхъ тайниковъ его жизни и бытія, что человѣкъ для насъ необходимо не только особый видъ животнаго царства, но и индивидуальная, глубоко важная цѣнность. Поэтому то общее, что мы открыли изученіемъ природы, не можетъ удовлетворить самаго существеннаго для насъ: оно не вноситъ достаточно свѣта и смысла въ индивидуальную жизнь, въ жизнь личности и ея оправданіе. Человѣкъ обладаетъ интеллектомъ, онъ обладаетъ способностью къ прогрессу, къ совершенствованію, онъ производитъ искусственные продукты, онъ можетъ самымъ разнообразнымъ способомъ комбинировать сами по себѣ неодухотворенные факты и давать изъ нихъ одухотворенное цѣлое; человѣкъ можетъ комбинировать силы природы, противопоставлять ихъ другъ другу и подъ часъ уничтожать путемъ такой комбинаціи ихъ дѣйствіе... И мы ничѣмъ не можемъ оправдать унизительное подчиненіе тѣмъ-же упрощеннымъ генерализованнымъ правиламъ, которыя естественно остаются далеко позади все болѣе усложняющейся жизни человѣчества и психологіи личности. Конечно, эти формулы имѣютъ силу и по отношенію къ человѣку, пока онъ разсматривается съ естественной, а не съ культурной точки зрѣнія, пока онъ для насъ только животное; но какъ только появляются первые зачатки культуры, прежнія упрощенныя формулы начинаютъ становиться слишкомъ узкими, чтобы охватить и объяснить всю ширь жизни человѣка,—и это тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше человѣкъ подвигается по пути безконечнаго подчиненія себѣ природы, созданія искус-

ственныхъ культурныхъ продуктовъ,—въ противоположность продуктамъ природы, естества. Простая формула борьбы за существованіе остается вѣрной, но уже слишкомъ бѣдной по содержанію и объему и требуетъ все большихъ дополненій. Она не удовлетворительна уже по тому одному, что культурный человѣкъ живетъ не только въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ; но человѣкъ, кромѣ того, и въ матеріальной борьбѣ все меньше выступаетъ одиноко: онъ самыми разнообразными средствами и часто на основѣ *культурныхъ мотивовъ* комбинируетъ свои силы съ другими, природными и человѣческими, противъ природы и противъ человѣка.

Такой мнимо всеобъемлющій характеръ приданъ современнымъ соціализмомъ принципу борьбы за существованіе, который въ видѣ экономической борьбы классовъ долженъ въ качествѣ діалектическаго принципа прогрессивнаго развитія служить ключемъ къ разгадкѣ всѣхъ соціальныхъ проблемъ. Для марксиста классовая борьба есть рычагъ всякаго прогресса. Но придавъ этой идеѣ абсолютный характеръ, вмѣсто практически служебнаго, соціализмъ поставилъ себя между двухъ огней: если онъ признаетъ идеалъ соціализма достижимымъ, то онъ этимъ, volens-nolens долженъ будетъ признать, что соціализмомъ заканчивается исторія, прекратится прогрессъ и застынетъ вся культурная жизнь [1]). Потому что

[1]) Гегеля діалектическій методъ и привелъ къ такой точкѣ зрѣнія. См. статью «Логическія основы и т. д.» Вопросы философіи и психологіи 1905. V. Послѣдняя глава.

въ соціалистическомъ обществѣ въ экономическомъ отношеніи можетъ быть только одинъ производящій и потребляющій классъ, т. е. классовой борьбы не будетъ, а вмѣстѣ съ ней не будетъ и двигателя прогресса. Этимъ нарушится и ходъ діалектическаго развитія, который обусловливаетъ *безконечность* прогресса. А если остаться вѣрнымъ этому методу-насильнику, то нужно возвести соціализмъ въ норму; тогда останется борьба классовъ, будетъ соблюдена вѣрность діалектическому методу, но будетъ потеряно самое главное, изъза чего бьется по мнѣнію марксизма человѣчество: соціализмъ какъ освобожденіе человѣчества отъ экономическаго угнетенія.

„Но, говоритъ Энгельсъ [1]), если раздѣленіе на классы имѣетъ извѣстное историческое право на существованіе, то право это ограничено даннымъ періодомъ времени и данными общественными условіями". Вотъ это и есть то самое основаніе, въ силу котораго соціализмъ не можетъ войти въ теорію просто политической партіи. Соціализмъ, защищая пролетарія, защищаетъ идею будущаго „внѣклассового" человѣчества. Поэтому соціализмъ въ самой своей сущности носитъ ту силу, которая его толкаетъ, требуетъ отъ него формы *міросозерцанія*. Говоря объ „истинныхъ потребностяхъ" соціализмъ исполняетъ свой долгъ по отношенію къ пролетарію, какъ данная конкретная политическая партія. Какъ носитель идеи

[1]) «Отъ утопіи къ научной теоріи» стр. 42, изд. Молота. 1905.

будущаго соціализмъ долженъ надъ этими требованіями поставить „потребности въ истинѣ“, въ всесторонней правдѣ, т. е. возстановить идеалъ, долженствованіе въ его попранныхъ правахъ. Иначе достиженіе внѣклассового будущаго должно стать мертвой точкой, такъ какъ единственный двигатель, признанный соціализмомъ — классовыя противорѣчія — исчезнетъ, оставляя свое мѣсто пустымъ и сдѣлавъ такимъ образомъ дальнѣйшій прогрессъ невозможнымъ. Исходъ изъ этого абсурднаго заключенія мыслимъ только черезъ реабилитацію и возстановленіе въ его нарушенныхъ діалектикой правахъ понятія долженствованія, нормъ, свободной руководимой сознательными цѣлями дѣятельности и т. д., иными словами—нужно развитіе соціализма въ цѣльное гармоничное міровоззрѣніе, о которомъ у насъ шла рѣчь вначалѣ, а для этого нуженъ недвусмысленный разрывъ съ діалектическимъ методомъ и съ самодержавнымъ господствомъ натуралистической догмы. Чѣмъ дальше человѣкъ ушелъ по культурѣ, тѣмъ больше онъ прорываетъ рамки натуралистической теоріи, тѣмъ больше онъ руководится въ своей дѣятельности оцѣнкой, выборомъ и цѣнностями. Въ культурномъ обществѣ высшей формы борьба классовъ въ смыслѣ двигателя прогресса отнюдь не является conditio sine qua non прогресса [1]).

---

[1]) При соціализмѣ конечно останется борьба съ природой, но только въ коллективной формѣ.

Такимъ образомъ, установленіе естественныхъ законовъ для историческаго развитія и утвержденіе необходимаго „діалектическаго“ прогресса представляютъ собою палку о двухъ концахъ. Естественные законы не допускаютъ никакихъ ограниченій въ своей сферѣ. При признаніи ихъ мы уже не можемъ говорить, что до извѣстнаго пункта они были въ силѣ, а затѣмъ наша жизнь избавляется отъ власти этихъ законовъ.

Тому-же діалектическому методу и матеріализму приносится въ жертву и другой существенный аттрибутъ личности—свобода воли. Но натурализируя, механизируя въ своей теоріи весь историческій процессъ и попутно и человѣка, современный марксистскій соціализмъ ограничиваетъ все это въ сущности сферой досоціалистическаго міра. Съ наступленіемъ послѣдняго предполагается немедленное появленіе на сценѣ задавленной человѣческой воли, исчезаетъ борьба классовъ, и міръ долженъ начать жить дальше высшей формой существованія,—очевидно на иныхъ какихъ-то началахъ, чѣмъ историческая и діалектическая необходимость,—соціалисты, конечно, менѣе всѣхъ будутъ склонны выдать будущую жизнь за мертвую точку въ духовномъ, культурномъ развитіи человѣчества. Энгельсъ, напримѣръ, говоритъ, что съ наступленіемъ соціализма жизнь найдетъ иныя формы и двигателей. „Процессъ подчиненія человѣчества, говоритъ онъ [1]),

[1]) „Отъ утопіи къ научной теоріи“ Изд. Молота 1905 стр. 44.

общественной организаціи, который до этого времени былъ какъ-бы навязанъ человѣчеству природой и исторіей, теперь явиться проявленіемъ *свободной воли*, (подчеркнуто какъ и дальше нами. Авт.). Объективныя и чуждыя силы, которыя до того времени управляли исторіей, подчиняться контролю человѣка. Лишь съ этого момента люди вполнѣ сознательно начнутъ сами *творить* свою исторію. Совершиться переходъ человѣчества изъ царства необходимости". И мы можемъ только присоединиться къ этимъ словамъ съ точки зрѣнія личности, но мы тѣмъ энергичнѣе будемъ протестовать противъ діалектическаго метода, противъ естественно „необходимаго" прогресса, противъ отрицанія долженствованія и свободы воли. Центръ тяжести этихъ словъ въ данномъ случаѣ мы перенесемъ въ выводъ, что классовое противорѣчіе какъ всякое противорѣчіе не единственный рычагъ прогресса, что и свободная воля и мысль могутъ быть его творцомъ,— съ нашей точки зрѣнія онѣ и теперь не устранены отъ этого творчества. Такимъ образомъ мы въ этомъ прогрессѣ не можемъ усматривать движенія, регулируемаго одними только законами природы, не говоря уже о томъ, что естественные законы не мѣняются, что мы не можемъ въ одной и той же сферѣ, относительно одного и того-же объекта статуировать въ абсолютной формѣ для буржуазнаго міра одни естественные законы, а для соціалистическаго - другіе. Основной принципъ соціализма, цѣнная личность и ея развитіе, долженъ бросить лучи своего

свѣта во всѣ тайники соціалистической теоріи, и тогда исчезнутъ дисгармонирующія съ нимъ натуралистическія догмы. Тогда соціализмъ будетъ вытекать не изъ „механики“ только, но главнымъ образомъ изъ разума, изъ интересовъ *свободной* цѣнной личности.

VII.

Историческая необходимость и вопросъ о свободѣ воли.

Мы видимъ разрѣшеніе этого вопроса, во первыхъ, въ измѣненіи пониманія характера „исторической необходимости“, этой квинтэссенціи діалектическаго метода, которая должна принять форму логической, разумной необходимости, чтобы очистить такимъ образомъ путь понятію долженствованія. Этимъ, конечно, не должна исключаться необходимость естественнаго порядка. Первая гарантируетъ право на осуществленіе, вторая—самое осуществленіе, а потому и желателенъ синтезъ ихъ, но не подчиненіе одной другой. Естественная необходимость сама по себѣ лежитъ внѣ всякаго смысла, и только разумная необходимость изъ долженствованія можетъ, соединившись съ ней, создать нѣчто осмысленное.

И этотъ оттѣнокъ разумной необходимости невольно проглядываетъ въ нѣкоторыхъ произ-

веденіяхъ соціалистической литературы. „Превращая все большую и большую часть населенія въ пролетаріевъ", говоритъ Энгельсъ [1]), „капиталистическій способъ производства создаетъ силу, которая подъ страхомъ гибели принуждена совершить соціальный переворотъ". Что это такое, какъ не смутная вѣра въ свободную оцѣнку, выборъ, въ разумъ человѣка. Если бы рѣчь шла о естественныхъ законахъ въ ихъ настоящемъ смыслѣ, то о какомъ бы то ни было выборѣ не могло бы быть и рѣчи, потому что дѣйствительность не нуждалась бы „въ страхѣ передъ гибелью" и дала-бы въ фактическомъ развитіи то необходимое условіе, которое сдѣлало бы соціальный переворотъ *неизбѣжнымъ*, т. е. не оставляла бы возможности не совершить этого переворота, а погибнуть. Здѣсь въ сущности дѣло обстоитъ такъ: дано А (пролетаризація), которое необходимо приведетъ либо къ Б. (гибели пролетаріевъ), либо къ В. (къ соціальному перевороту, уничтоженію возможности эксплоатаціи). Но выборъ Б (гибель) исключается *разумной натурой* человѣка, *поэтому* въ данномъ случаѣ изъ А должно слѣдовать В. Это самая прямая вѣра въ разумную силу человѣка, въ то, что онъ съумѣетъ разобраться въ невѣроятно сложномъ явленіи соціальной жизни, что онъ не полѣзетъ со слѣпу бить машины, все встрѣчное и поперечное, а что онъ взглянетъ въ *корень* вещей. А для этого нужны разумъ, свободная оцѣнка,

[1]) „Отъ утопіи къ научной теоріи" стр. 41.

воля и т. д., а не только одна мертвая, не одухотворенная историческая необходимость. Пусть историческая необходимость *діалектическаго* характера доведетъ пролетаризацію до возможно крайняго предѣла, такъ что все человѣчество обратилось въ пролетаріевъ и только одинъ капиталистъ остался въ наличности. И тѣмъ не менѣе это не сдѣлаетъ намъ болѣе понятнымъ переходъ къ перевороту, если мы не добавимъ, что люди какъ разумныя существа вѣроятно догадаются о возможности иной соціальной организаціи раньше, чѣмъ наступитъ нарисованная нами картина. Инстинктъ одинъ можетъ избавить отъ голодной смерти Буриданова осла, который попадаетъ между двухъ клочковъ сѣна и голодаетъ, не зная, за который изъ нихъ сначала взяться, но онъ никогда не доведетъ группу этихъ животныхъ до мысли соединиться противъ человѣка и уничтожить его, а тѣмъ менѣе однимъ инстинктомъ можно объяснить колоссальной сложности явленія человѣческой жизни, жизни личности. Да и у человѣка этотъ инстинктъ самосохраненія, повышенъ до уровня *сознательнаго* стремленія къ счастью. „Быть счастливымъ это необходимо представляетъ требованіе каждаго *разумнаго*, но конечнаго существа“, говоритъ Кантъ. Такимъ образомъ, у человѣка и инстинкту не долженъ быть чуждъ разумный элементъ.

Вторымъ шагомъ впередъ будетъ вѣрная постановка вопроса о свободѣ воли, разрѣшеніе котораго можетъ принять иную форму при усло-

віи рѣзкаго разграниченія принципа причинности, который на нашъ взглядъ вполнѣ совмѣстимъ со свободой личности,—отъ причинной законосообразности [1]). Мы въ этой работѣ должны ограничиться только коротенькимъ *наброскомъ* и характеристикой *того направленія*, въ которомъ намъ представляется возможнымъ дать утвердительное разрѣшеніе этой проблемы. Это вопросъ первостепенной важности и требуетъ спеціальнаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, если практически свобода воли является необходимымъ постулатомъ личности, который не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, то въ теоретической области человѣкъ не успокоится и не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ положительнаго теоретическаго разрѣшенія этого вопроса. Теорія и практика должны слиться въ одномъ гармоничномъ результатѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что вопросъ о свободѣ воли въ смыслѣ безпричинности остается въ данномъ случаѣ совершенно въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ дѣло идетъ не о свободѣ, а о произволѣ,—свобода всегда предполагаетъ сознательное, а потому и разумное основаніе поступковъ. Въ ней есть всегда элементъ разумной необходимости, какъ это показали Спиноза и Гегель. Поэтому свобода воли предполагаетъ причинную обусловленность, но

---

[1]) См. Риккертъ «Границы естественно-научнаго образованія понятій». Стр. 412—415 нѣмецк. изд.

эта причинная обусловленность, т. е. принципъ, что все должно имѣть свою причину, отождествляется постоянно съ причинной законосообразностью. А между тѣмъ и другимъ есть глубокая разница, которую мы коротко можемъ характеризовать такимъ образомъ: первая изъ нихъ касается только всей конкретной дѣйствительности, вторая имѣетъ силу только относительно обобщенія, абстракціи этой дѣйствительности. Мы подходимъ къ живой непосредственной дѣйствительности съ готовой формой, въ которую неминуемо укладываются всѣ наши переживанія по принципу сочетанія причины съ дѣйствіемъ. Но съ потребностью охватить въ познаніи необозримое богатство дѣйствительнаго міра мы прибѣгаемъ къ обобщенію, выбирая изъ дѣйствительности только то, что въ ней есть общаго между индивидами, группами и т. д. Наблюдая отношенія и обобщая, мы приходимъ къ такъ называемымъ законамъ природы, которые являются сокращенными обозримыми формулами для необозримаго дѣйствительнаго міра. Такимъ образомъ индивидуальное оказывается внѣ сферы ихъ значенія, и только какъ общее въ его отношеніяхъ къ остальному міру оно подчинено этимъ формуламъ. Законъ природы предполагаетъ *повторяемость* причинныхъ цѣпей, но конкретная дѣйствительность не знаетъ повтореній, она абсолютно индивидуальна. Дѣйствительность повторяется, такимъ образомъ, только въ своемъ общемъ, т. е. въ научной абстракціи. Если такая абстракція можетъ удовлетвориТь насъ въ обла-

сти природы, то по отношенію къ человѣку мы наблюдаемъ обратное явленіе: какъ бы мы глубоко ни шли въ этой области, это только повышаетъ нашу потребность проникнуть дальше съ помощью науки, искусства и т. д. въ самую глубь безконечнаго многообразія индивидуальностей. Тутъ мы ищемъ и видимъ только конкретныя цѣнности, вполнѣ подчиненныя принципу причинной связи, но освобожденныя отъ ферулы законовъ, такъ какъ онѣ цѣнны для насъ въ своей конкретности индивидуальностей. Только какъ абстракція онѣ подчинены этимъ законамъ.

Въ индивидуальной, непосредственной дѣйствительности всегда остается мѣсто для сознательной и до извѣстной степени свободной дѣятельности. Каждый индивидъ стоитъ въ ряду вполнѣ опредѣленной причинной цѣпи, но эта цѣпь тянется не въ одномъ только направленіи. Каждый индивидъ связанъ милліонами нитей съ окружающимъ міромъ. Благодаря множеству такихъ цѣпей причинная связь существуетъ во всѣхъ направленіяхъ, и куда-бы мы ни перешли, мы нигдѣ не нарушаемъ ни этой связи, ни ея законовъ. Все дѣло въ томъ, что всякій законъ носитъ условную форму. Законъ гласитъ: если есть А, то есть Б. Но есть-ли А, этого законъ намъ сказать не можетъ, потому что этимъ была бы нарушена его основная функція. Стремясь къ законамъ, которые опредѣляли-бы не состоянія или дѣйствія, а существованіе [1]) фактовъ, усло-

[1]) Сравн. Кантъ «Критика чистаго разума» перев. Лосскаго стр. 166 слова о «необходимости».

вій, мы должны были бы взгромоздить столько законовъ, за сколькими условіями мы гонимся, и, такимъ образомъ, потеряли-бы всякую возможность понять явленіе или справиться съ нимъ. Межъ тѣмъ законы и должны въ первую очередь представлять средство для одолѣнія необозримой дѣйствительности.

Въ рядахъ этихъ причинныхъ зависимостей стоитъ и человѣкъ, который интересуетъ насъ какъ индивидуальность, личность во всѣхъ своихъ проявленіяхъ настолько, что мы рѣдко обращаемъ вниманіе на его абстрактную, общую ему съ другими индивидами сторону. Онъ соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ причинностей въ одно неразрывное цѣлое, въ немъ какъ въ центрѣ сошелся цѣлый пучекъ разнообразныхъ причинныхъ цѣпей, который и дѣйствуетъ какъ единое неразложимое цѣлое. Въ результатѣ получается поступокъ, который долженъ быть приписанъ не отдѣльной причинѣ, а тому цѣлому, личности, которая сконцентрировала въ себѣ эти цѣпи въ индивидуальномъ тѣлесномъ и духовномъ сочетаніи. Отъ нея и къ ней тянутся миріады причинныхъ нитей, и личность сама оцѣниваетъ и рѣшаетъ, которую изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ кнопокъ фактическаго, даннаго міра нажать ей. Законъ всесиленъ тогда, когда насъ интересуетъ абстрактная сторона дѣйствительнаго міра, и когда дано его условіе. Но само это условіе стоитъ внѣ всякой зависимости отъ него. Тутъ открывается для разумнаго существа возможность сознательной дѣятельности

благодаря его способности сужденія и оцѣнки. Передъ оцѣнивающимъ сознаніемъ только ограниченный, часто крайне съуженный матеріалъ но неограниченная способность оцѣнки, результатомъ которой является болѣе интенсивное сцѣпленіе съ опредѣленною причинною связью, которая уже благодаря одному этому усиливается и можетъ взять перевѣсъ надъ другими причинными связями. Такимъ образомъ, которое изъ возможныхъ условій возьметъ перевѣсъ, это— въ интересующихъ личность случаяхъ—должна и можетъ рѣшать она сама,—и тѣмъ болѣе, чѣмъ культурнѣе становиться человѣчество и создаваемыя имъ условія.

Свобода воли пока ничтожна, но это потому, что такова наша дѣйствительная, не показная культура. Она теперь незначительна, но она возможна, и намъ именно, и дорого установить самую возможность ея въ принципѣ. Она задавлена въ жизни „индивидуалистическимъ хозяйствомъ“, въ соціалистической теоріи—„необходимымъ прогрессомъ“, діалектическимъ методомъ и матеріалистической метафизикой. Но она возможна если не при естественныхъ, то при культурныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи переходъ къ соціализму какъ къ высшей культурной формѣ и долженъ представлять для цѣнной личности крупный шагъ впередъ къ царству свободы. Но,—повторяемъ еще разъ,—матеріализмъ и діалектическій методъ съ ихъ оковами личности въ видѣ естественно „необходимаго“ прогресса должны отойти въ прошлое, потому что это цѣпи, добровольно наложенныя на себя соціализмомъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ искать законовъ соціальной жизни, мы можемъ разсматривать прошлое человѣчества съ точки зрѣнія законосообразности, — пусть будетъ даже, что мы найдемъ незыблемые законы, но они опредѣляютъ только общее, абстракцію, а въ жизни мы имѣемъ дѣло только съ индивидуальнымъ, конкретнымъ. Это индивидуальное находится въ всесторонней причинной связи, которая нигдѣ не можетъ быть нарушена, но естественные законы этихъ индивидуальныхъ явленій связывать не могутъ. Такимъ образомъ, соціализмъ пріобрѣтаетъ двойной принципъ: какъ политическая *партія* онъ имѣетъ въ виду *общее*, можетъ искать законовъ и основываться на *законосообразности*; какъ *міровоззрѣніе*, которое, какъ мы пытались показать въ началѣ этой работы, должно имѣть въ виду культурныя, индивидуальныя цѣнности, личность,—онъ долженъ взять своей основой *идею культурно-творческой цѣнной индивидуальной личности*, признать въ принципѣ ея необходимыя условія и въ конечномъ счетѣ встать на почву идеализма,—конечно не матафизическаго въ традиціонномъ смыслѣ, а на почву критическаго, гносеологическаго идеализма, который при идеалистической этикѣ и теоріи познанія даетъ полный просторъ и твердое обоснованіе эмпирическому реализму [1]).

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ въ общемъ видѣ воззрѣнія Генриха Риккерта. См. его „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ переводъ Водена и „Предметъ познанія“ переводъ Г. Шпетта.

VIII.

Идея цѣнной личности и идеалы.

Цѣнная культурно-творческая личность самымъ живымъ образомъ заинтересована въ томъ, чтобы культурное развитіе человѣчества не заковывалось въ цѣпи. Поэтому конечною цѣлью въ міровоззрѣніи, которое способно охватить интересы цѣнной личности, можетъ быть только идеалъ, норма. Тѣ практическія цѣли, которыя мы выставляемъ какъ нѣчто конкретное, должны имѣть своего рода служебное значеніе, значеніе мѣръ, и достиженіе высшей изъ нихъ можетъ быть только началомъ еще болѣе интенсивной дѣятельности, посвященной великому культурному творчеству. Тутъ въ этомъ творчествѣ, какъ въ движеніи, согласованномъ съ нормой, идеаломъ, лежитъ истинное удовлетвореніе, которое можетъ найти человѣкъ, удовлетвореніе глубокое, непреходящее, все повышающееся. Достижимое какъ окончательная цѣль обозначало-бы для цѣнной личности застой, отсутствіе цѣнной дѣятельности и потому гибель. Лучшее, что можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ культурный человѣкъ, это посвятить всѣ свои силы, какъ это ни траги-комично, возможному задерживанію прогресса. Поэтому конечная цѣль мыслима только какъ идеалъ норма. [1]) „Всякій лишенный разума индивидъ до-

[1]) Срвп. Зиммель „Проблемы философіи исторіи“ нѣм. 2-е изд. стр. 145.

стигаетъ своей цѣли; только сынъ разума остается всегда только *на пути*. Все его существованіе это непрерывное никогда не заканчивающееся развитіе“ [1]). Поэтому и соціализмъ, прорвавши узкія рамки партійной ограниченности и вступивъ на путь развитія къ цѣльному, гармоничному міросозерцанію, долженъ будетъ пойти по пути критическаго идеализма.

Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что мы не осуждаемъ вмѣстѣ съ діалектическимъ методомъ на изгнаніе и тѣхъ принциповъ, которые связалъ съ нимъ Гегель и передалъ ихъ въ такой формѣ послѣдующему времени. Въ этихъ принципахъ необходимо видѣть крупное цѣнное завоеваніе человѣческой мысли. Основные изъ этихъ принциповъ—абсолютная неповторяемость, индивидуальность фактическаго, дѣйствительнаго міра, признаніе дѣйствительности за цѣнность—совокупность, которая состоитъ только изъ индивидуальныхъ цѣнностей и порождаетъ и обогощается только индивидуальностями,—мы, конечно, оправдываемъ возможность этой дѣйствительности-цѣнности основнымъ принципомъ:—абсолютною цѣнностью культурно-творческой личности и ея интересами и дѣятельностью. И, наконецъ, мы постулируемъ на томъ-же основаніи безконечность творчества и развитія цѣнностей, которыя составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое—цѣнную дѣйствительность. И только такая дѣйстви-

[1]) Изъ предисловія къ нѣмецкому переводу Маймона Бэконовскаго Novum Organon 1793 стр. VI.

тельность можетъ дать личности удовлетвореніе въ настоящемъ, а подъ часъ и примиреніе съ нимъ и желаніе будущаго.

Такимъ путемъ, развитіемъ своихъ основныхъ принциповъ въ цѣльное міровоззрѣніе, въ центрѣ котораго будетъ стоять въ качествѣ пробнаго камня идея культурно-творческой, индивидуальной, цѣнной личности,—соціализмъ завоюетъ себѣ теоретическое право апеллировать къ лучшему, что есть въ человѣкѣ, указывать ему на великое будущее, выставлять идеалы, которые какъ далекія звѣзды своимъ яркимъ мерцаніемъ будутъ озарять тернистый путь личности и порождать въ ней новыя силы и неугасающую вѣру въ себя и свои идеалы. Это будетъ великимъ пріобрѣтеніемъ для соціализма. Тогда онъ не будетъ рисковать тѣмъ, что онъ оставитъ въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческихъ потребностей пустыя мѣста. Тогда исчезнетъ то недоразумѣніе, которое мы наблюдаемъ теперь между соціалистами и ихъ противниками: послѣдніе, вѣрно угадывая слабую сторону теоретическаго построенія соціализма, умѣло пользуются ею и требуютъ энергично отъ него положительныхъ идеаловъ во всѣхъ областяхъ, справедливо полагая, что истинно-человѣческихъ потребностей не утишишь одною историческою необходимостью, въ то время какъ соціализмъ своими традиціонными основами отрѣзалъ себѣ теоретическій путь къ идеаламъ. Этотъ путь онъ откроетъ себѣ, развивши послѣдовательно въ цѣльное, гармоничное міровоззрѣніе свою основную предпосылку. Тогда онъ съ

полнымъ правомъ станетъ апеллировать къ божественному въ человѣкѣ.

Пренебреженіе идеалистическими мотивами, діалектика съ ея всесокрушающей механизаціей всего, что поддается ей и что нѣтъ, безъ разбору, привела къ роковымъ результатамъ. Тамъ, гдѣ діалектика не смогла одолѣть внутреннихъ здоровыхъ тенденцій соціализма и разрушить связь между настоящимъ и будущимъ, гдѣ соціализмъ прорвался въ теоріи къ будущему, тамъ получались часто роковые результаты. Мы не станемъ касаться всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы бросимъ только бѣглый взглядъ какъ на *образчикъ* на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни личности, разрѣшеніе котораго, на нашъ взглядъ, пошло по глубоко ложному пути. Вопросъ этотъ касается отношенія половъ, уже—свободной любви.

IX.

Свободная любовь и свободная нравственность.

Женскій вопросъ даетъ любопытный образчикъ такихъ выводовъ, которые вынуждены у соціализма его традиціонными основами и которые далеко не гармонируютъ, не могутъ гармонировать съ его истинной сущностью. Оставляя въ сторонѣ выполнимость или невыполнимость соціалистическихъ стремленій, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отрицать одного, что по своему существу это такъ пугаю-

щее современный буржуазный міръ революціонное теченіе представляетъ изъ себя страстное, глубоко проникновенное стремленіе къ всесторонней гармоніи жизни, къ развитію полнаго аккорда человѣческой личности и ея культурно-творческихъ проявленій. Даже такая суровая, безпощадно жестокая область какъ борьба за существованіе, за насущный кусокъ хлѣба должна принять характеръ гармоничной строго согласованной совокупности человѣческихъ дѣятельностей, направленныхъ на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Экономическая гармонія—такова, какъ это ни странно звучитъ, цѣль соціализма въ этой области. Всесторонняя гармонія—вотъ та общая цѣль, на которую какъ на конечный этапъ направлены всѣ стремленія этого кристально чистаго по своимъ истиннымъ мотивамъ теченія.

И вдругъ самое цѣнное въ этомъ идеалѣ гармоніи должно быть разодрано на части, должно поражать насъ такимъ безобразіемъ, такой какофоніей, отъ которой культурная личность даже при современныхъ буржуазныхъ условіяхъ и морали не можетъ не бѣжать, не отвертываться съ отвращеніемъ въ сторону. Такое невозможное представленіе было высказано нѣкоторыми защитниками соціализма относительно будущей человѣческой личности въ вопросѣ о свободной любви [1]). По этому представленію интимная жизнь личности не должна быть связана съ однимъ только объектомъ любви другого пола. Въ этихъ построеніяхъ не исключалась возможность и допустимость того, что чело-

[1]) См. напр. „Чего ждать женщинѣ отъ соціализма", Исаева.

вѣкъ будущаго будетъ удовлетворять свои интимныя потребности съ различными субъектами: одинъ его привлекаетъ своимъ тѣломъ, другой— умомъ, третій своими этическими и др. сторонами и въ заключеніи получается представленіе о разодранномъ на части человѣкѣ, который по существу дѣла *долженъ*, что-бы тамъ ни говорили факты, быть единой, цѣльной личностью.

Не трудно подмѣтить, что подобнаго рода унизительныя представленія явились прямымъ плодомъ туманныхъ, а порою и загрязненныхъ непродуманными теоріями представленій о личности будущаго. Чѣмъ цѣльнѣе, гармоничнѣе личность, тѣмъ лучше, красивѣе ея проявленія, ея жизнь. Эта жизнь должна быть во всемъ цѣльна и гармонична и не можетъ допускать и тѣни мысли о томъ убійственномъ анатомированіи личности, которое приходится видѣть въ только что приведенныхъ нами мнѣніяхъ защитниковъ свободной любви. Такое представленіе является плодомъ раздиранія на части физической, духовной и душевной жизни личности и ея самой. Человѣкъ, удовлетворяющій свои потребности съ одной, свое эстетическое чувство съ другой, свои духовныя потребности съ третьей, человѣкъ, который все это мѣняетъ по степени своихъ измѣнчивыхъ настроеній, глубоко противорѣчитъ тому идеалу, къ которому можетъ и долженъ стремиться соціализмъ. Иначе это означало бы возвращеніе къ животному царству; это уже не свободная любовь, которая *требуетъ свободной нравственности*, свободной же, т. е. цѣль-

ной гармоничной,—не только политически, но и *нравственно освобожденной, очищенной* личности, а проституированіе человѣческаго достоинства, это былъ бы незаконный, болѣе того,--дикій, непостижимый плодъ соціализма. Въ глубоко трогательное, человѣчное стремленіе соціализма къ всеобщей гармоніи протискивается такимъ путемъ подъ всякаго рода красивыми именами ужасный продуктъ той самой гнилой (саниновской) морали, которая является прямымъ дитятей современнаго уклада жизни. Не раздираніе на части, а цѣльная жизнь гармоничной личности, которая можетъ найти удовлетвореніе только въ гармоніи,—таковъ тотъ идеалъ, который вытекаетъ изъ основной предпосылки соціализма. Соціализмъ и тутъ, заложивъ здоровую основу, сдѣлалъ изъ нея болѣзненные выводы. Переходя теоретически изъ полной мрази буржуазной области въ идеальную сферу соціалистическихъ стремленій, онъ какъ будто забываетъ перенести черезъ порогъ свою голову и предоставляетъ захлопывающейся двери перешибить ему шею. Все должно усовершенствоваться: политика, экономика, весь объективный укладъ человѣческой жизни. Ну а человѣкъ?—Человѣкъ какъ будто долженъ остаться и въ этой идеальной обстановкѣ все тѣмъ же двуногимъ звѣремъ, лишеннымъ всего того, что такъ дорого для „человѣка“: гармоніи и красоты.

Такимъ образомъ, не въ *произволѣ* испорченной натуры, а въ *свободныхъ*, цѣльныхъ, гармоничныхъ, не поворачивающихся по первому дуно-

венію вѣтерка какъ флюгеръ проявленіяхъ жизни новаго дѣйствительно культурнаго человѣка надо видѣть свободную любовь. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было нужна норма, нуженъ идеалъ и нужна глубокая осторожность въ отрицаніи и къ оскорбленному буржуазною гнилью чувству: оно можетъ завести насъ далеко отъ той области, къ которой долженъ стремиться соціализмъ. Альтернатива въ данномъ случаѣ вполнѣ ясна: либо соціализмъ создаетъ и содастъ лучшія, болѣе культурныя формы общественной и соціальной жизни, и тогда непзбѣжно долженъ возникнуть—во всякомъ случаѣ въ идеалѣ—новый высшій типъ человѣка, который внесетъ въ свое влеченіе къ субъекту другого пола *цѣльность*, полноту всѣхъ элементовъ своего я, и результатомъ ихъ явится глубина чувства, устойчивость и постоянство,—либо такой полной цѣнной личности не будетъ, тогда не можетъ быть и соціальнаго будущаго, о которомъ мечтаетъ соціализмъ. Если мы не будемъ видѣть въ такой цѣльной въ своихъ проявленіяхъ личности чего-то глубоко желаннаго, тогда мы разумно не можемъ желать и соціализма, потому что одно немыслимо безъ другого. Менѣе всего противъ этого вывода можно возразить съ точки зрѣнія тѣхъ, кто видитъ въ экономическихъ факторахъ основу, дѣйствительныхъ двигателей, устроителей всей сложной жизни человѣчества, не исключая и самой психики людей: гармоничный экономическій строй въ соціализмѣ не можетъ не дать гармоничной цѣль-

ной личности; а если онъ ея не дастъ, то онъ и не представляетъ того, что въ немъ видятъ и чего ищутъ всѣ его послѣдователи.

Этимъ, конечно, мы менѣе всего хотимъ сказать, что нужно стѣснить свободу личности. Наоборотъ юридически она можетъ и должна быть предоставлена въ самой широкой степени. Общество можетъ свести свое вмѣшательство въ эту область до крайняго возможнаго минимума, ограничившись хотя-бы необходимой защитой интересовъ дѣтей и общественнаго здоровья. Но какъ *идеалъ*, *норму* мы должны разсматривать форму гармоничныхъ и цѣльныхъ отношеній половъ, гдѣ въ любви будутъ гармонично сливаться всѣ мотивы разнородныхъ стремленій человѣческой натуры: *духа* и *тѣла*. Содержаніе этихъ любовныхъ отношеній должно быть чѣмъ выше, тѣмъ полнѣе, тѣмъ болѣе равноправное положеніе должны занять въ немъ на ряду съ половой привязанностью эстетическое, этическое и т. д. стремленія. Не подходятъ люди другъ къ другу, пусть они расходятся и не мѣшаютъ другъ другу жить на бѣломъ свѣтѣ. И въ этомъ отношеніи борьба за свободу личности должна вестись на всѣ фронты противъ той формы сожительства, которую такъ ярко характеризовалъ Ницше „O, diese Armut der Seele zu Zweien! O, dieser Schmutz der Seele zu Zweien!“ [1]). Но это только неизбѣжное зло и выходъ изъ него надо разсматри-

[1]) „О, эта бѣдность души вдвоемъ! О, эта грязь души вдвоемъ!“

вать какъ выборъ изъ двухъ *золъ* меньшаго. Но это не аттрибутъ и тѣмъ менѣе желанный аттрибутъ соціалистическаго будущаго. Это только печальная необходимость, — соціализмъ какъ хозяйственный строй тоже не можетъ думать, что онъ дастъ абсолютно идеальный строй и, слѣдовательно, абсолютно идеальныхъ людей, что дало бы право намъ ожидать, что въ соціалистическомъ строѣ такія ошибки абсолютно невозможны. Это —зло, въ которомъ въ значительной степени виноватъ и современный варварскій кодексъ буржуазной морали, и вытекающіе отсюда законы относительно сожительства двухъ половъ. Это проклятіе, которое посылаетъ отживающій строй нарождающемуся будущему; это наслѣдство, которое отдаетъ мертвечиной, и соціализмъ долженъ остаться чистымъ, незапятнаннымъ этой мразью. Не защита произвола похоти и разодранныхъ на части элементовъ недѣлимой цѣнной личности должна составить задачу соціализма, а энергичная проповѣдь чистой, гармоничной, а потому тѣмъ болѣе свободной любви. *Свободная любовь, но и свободная нравственность*— таковъ лозунгъ будущаго въ этой области. И онъ есть прямой выводъ изъ основной предпосылки соціализма—цѣнной личности.

Мы не можемъ не коснуться въ этой связи близкаго къ данному вопроса о дѣторожденіи, такъ какъ и тутъ мы не совсѣмъ примыкаемъ къ обычнымъ мнѣніямъ на этотъ счетъ. И этотъ вопросъ искалѣченъ и изуродованъ хищническимъ строемъ съ его матеріальной неустойчи-

востью, полнымъ отсутствіемъ надеждъ на воспитаніе и образованіе и т. д. Изъ этихъ условій выросло одно изъ самыхъ крупныхъ несчастій современной истинной жизни личности, что она большею частью принуждена давать жизнь *нежеланнымъ* дѣтямъ. Человѣкъ имѣетъ полное право и тутъ не быть рабомъ естества, природы; его неотъемлемое право имѣть только *желанныхъ* дѣтей поддерживается, болѣе того диктуется интересами какъ родителей, такъ и самого нарождающагося поколѣнія, а также и интересами человѣчества: мы только тамъ можемъ ожидать дѣйствительнаго роста личности, гдѣ вложено желаніе, любовь вырастить таковую; тѣмъ менѣе возможно это, если уже въ утробѣ матери ребенокъ становится предметомъ тревоги, вражды и др. родственныхъ чувствъ... Но все это не должно вести насъ къ другой крайности,—нежеланія „множиться“. Насъ этотъ вопросъ здѣсь интересуетъ только все *съ той-же* точки зрѣнія цѣнной личности и ея культурнаго творчества.

Творчество, какъ это ни парадоксально звучитъ, должно быть распространено, хотя и въ безсознательной формѣ проявленія, и на эту область человѣческой жизни. Мы уже въ сущности давно отказались и въ теоріи и практикѣ отъ презрѣнія къ плоти и тѣлесному и удѣлили ему соотвѣтствующее мѣсто въ общей сокровищницѣ цѣнностей. Поэтому и въ эту область физическаго нарожденія самыхъ дорогихъ цѣнностей, будущихъ личностей и ихъ возможностей должно заглянуть то же солнце творчества, которое

озаряетъ своими лучами другія области жизни личности. И это въ безсознательной формѣ проявляется сплошь и рядомъ въ обыденной жизни въ формѣ родительской гордости своими дѣтьми, когда они отличаются духовными или физическими качествами, а тѣмъ болѣе, если въ нихъ соединилось и то, и другое.

Пусть даже люди не видятъ здѣсь никакого творчества, это не аргументъ. Съ объективной точки зрѣнія это великое творчество. Дѣло человѣка только внести въ него глубокое облагороженное пониманіе, смыслъ и красоту. Тогда оно станетъ великой правдой. Современный, раздранный на части въ своихъ стремленіяхъ человѣкъ загрязнилъ то, что могло быть кристально чистымъ. Но, вѣдь, эта грязь—дѣло человѣка и его-же дѣло смыть съ себя эту грязь и очиститься.

Въ этомъ отношеніи интересно, что, напримѣръ, г. Бердяевъ, горячо защищавшій личность и ея развитіе [1]), вдругъ въ главѣ „метафизика пола и любви“ отхватилъ какъ ножницами человѣческое стремленіе имѣть дѣтей, какъ родовое половое начало, какъ „вульгарную Афродиту“, которая дробитъ индивидуальности въ ущербъ развитію цѣльности и совершенства родителей; потому что она даетъ несовершенное множество вмѣсто совершенной немногочисленности.

Какъ мы уже говорили,—плодотворнымъ фак-

[1]) Въ книгѣ „Новое религіозное сознаніе и общественность“.

торомъ явится убѣжденіе, что факты сами по себѣ безсмысленны и грубы, и только человѣкъ своей мыслью, вкладываемой въ эти факты, подымаетъ ихъ до уровня одухотворенности и смысла. Въ этомъ отношеніи мы еще разъ можемъ пожелать, чтобы у насъ было побольше довѣрія къ разуму, къ мысли, и поменьше подчиненія грубой фактической дѣйствительности,—таковъ тотъ вспомогательный принципъ, который можетъ дѣятельно помочь человѣку придти къ всесторонней правдѣ. Такимъ образомъ, и въ данномъ, частномъ случаѣ фактъ самъ по себѣ не „вульгаренъ", и не идеаленъ, а индифферентенъ и только мы сами дѣлаемъ изъ него то, что Бердяевъ называетъ „Вульгарной Афродитой". Не говоря уже о томъ, что это дробленіе отзывается на родителяхъ благодаря нашему отвратительному хищническому строю съ его анархической борьбой за существованіе и деспотическимъ, стаднымъ кодексомъ морали, дѣти и жизнь съ ними при нормальныхъ *человѣческихъ* условіяхъ раскрываютъ новый источникъ, изъ котораго могутъ каскадомъ бить высоко—цѣнныя переживанія. Отсюда можетъ при нормальныхъ условіяхъ развернуться богатая жизнь облагороженнаго нравственнаго чувства, сознаніе мірового единства и его непрерываемости, истинно человѣческой общности. Тутъ лежитъ основа отрицанія разрыва между прошедшимъ и будущимъ. Когда личность не анатомирована, не разодрана на части по своимъ стремленіямъ, которыя разбросаны по разнымъ, объектамъ, обезсилены и обезцвѣчены

своимъ разрывомъ, какъ это мы видимъ въ современномъ общественномъ строѣ,—однимъ словомъ, когда личность могуче сильна полной гармоніей своихъ стремленій, направленныхъ на одинъ объектъ любви, тогда въ нормальныхъ объективныхъ условіяхъ можетъ быть мѣсто только прекрасной, не „вульгарной Афродитѣ". Туть залогъ безконечнаго роста культурнаго сознанія, культурнаго творчества, безконечнаго обогащенія человѣчества творческими возможностями. И какъ мы говорили, въ самомъ физическомъ творчествѣ заложена возможность индивидуальныхъ физическихъ цѣнностей. Такимъ образомъ отрицаніемъ человѣческаго желанія имѣть дѣтей,—но дѣтей желанныхъ,—былъ-бы нанесенъ цѣнной личности крупный ущербъ въ ея интимной, а черезъ нее и во внѣшней жизни.

X.

Идеалъ эмансипаціи съ точки зрѣнія цѣнной личности.

Наконецъ, и самый вопросъ о женской эмансипаціи долженъ съ точки зрѣнія цѣнной личности принять иную форму. Вполнѣ понятно, что женщина требуетъ и должна требовать для себя и своего развитія тѣхъ-же свободныхъ объективныхъ условій, какими пользуется и отвоевываетъ себѣ другой полъ. Но было бы грубой ошибкой,—и эта ошибка, къ сожалѣнію, стала широкой дѣйствительностью,—видѣть иде-

алъ освобожденія женщины въ томъ, чтобы она могла безпрепятственно идти по тѣмъ же протореннымъ тропамъ и направленіямъ, по которымъ идетъ мужчина [1]). Фактически, можетъ быть, это и будетъ такъ въ большинствѣ случаевъ, но идеаломъ, цѣнною цѣлью должно и можетъ быть только, чтобы женщина на основѣ равныхъ объективныхъ условій искала и создавала себѣ свои собственные, субъективные, ей только одной и какъ женщинѣ, и какъ индивидуальной личности доступные пути творчества и вообще дѣятельности. Потому что культура не повтореніе задовъ,—это дѣло школы, выучки. Культура обогащается индивидуальностями и цѣнная дѣятельность основывается на индивидуальныхъ проявленіяхъ личности. Такимъ образомъ, общимъ для обоихъ половъ идеаломъ будетъ императивъ той формы, въ которую онъ выливается въ теоретико-познавательномъ идеализмѣ [2]). „Ты долженъ, если ты хочешь поступать хорошо, посредствомъ твоей индивидуальности на томъ индивидуальномъ мѣстѣ, гдѣ ты находишься, исполнять то, что можешь исполнить только ты, такъ какъ ни у кого другого въ повсюду индивидуальномъ мірѣ нѣтъ точно той-же задачи какъ у тебя, и ты долженъ далѣе устроить всю твою жизнь такъ, чтобы она замкнулась въ телеологическое развитіе, которое въ его цѣломъ можно было-бы разсматривать

[1]) Эта мысль принадлежитъ Зиммелю.

[2]) Г. Риккертъ «Границы естественно-научнаго образованія понятій» нѣм. изд. стр. 716.

какъ исполненіе никогда не повторяющейся задачи твоей жизни". Такимъ образомъ и женщина на пути къ своему освобожденію должна искать и стремиться только къ индивидуальному цѣнному, ей только одной доступному. Тогда и она сможетъ найти прямой путь къ непосредственному пріобщенію къ истинной культурѣ. Для этого нужно сознаніе себя какъ цѣнной личности, какъ бы эта индивидуальность мала ни была.

XI.

Истинная дѣйствительность.

Только развившись въ цѣльное міровоззрѣніе на основѣ признанія принципа абсолютной цѣнности личности, соціализмъ,—не соціализмъ какъ теорія одного класса, а соціализмъ какъ общечеловѣческое, культурно-міровое міросозерцаніе, — сможетъ удовлетворить всѣ запросы личности: этическіе, эстетическіе, религіозные и т. д.,—не игнорированіемъ ихъ, а путемъ всесторонняго творчества и проникновенія. Тогда „братство" цѣнныхъ личностей въ культурно-творческой дѣятельности и въ ея цѣнныхъ продуктахъ, которое явится въ результатѣ „равенства" въ условіяхъ и „свободы" въ проявленіяхъ, создастъ изъ человѣчества многостороннюю цѣнность и поведетъ его не къ разброду индивидуальностей, а къ все болѣе гармонизирующемуся цѣлому — цѣнности, каждое звено котораго

будетъ признано въ его своеобразіи и будетъ незамѣнимой цѣнностью—личностью. Въ результатѣ этого развитія должна получиться та дѣйствительность, о которой мечталъ Гегель, но которую погубило его собственное дѣтище—діалектика: дѣйствительность какъ постоянно творящееся и обогащающееся индивидуальными цѣнностями гармоничное сліяніе міра фактовъ съ міромъ идеала и въ центрѣ этой дѣйствительности—цѣнности долженъ стоять главный творецъ ея—индивидуальная культурно-творческая личность.

[illegible]

Прив.-доц. М. М. РУБИНШТЕЙНЪ:

1. **Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой.** Москва, 1916, 2 изд., стр. 613, ц. 3 р.

2. **Эстетическое воспитаніе дѣтей.** М. 1915, стр. 130, ц. 1 р. 50 к.

3. **Семейное или общественное воспитаніе?** М. 1916, стр. 120, Ц. 75 к.

4. **Исторія педагогическихъ идей въ ея основныхъ чертахъ.** М. 1916, стр. VI–|–267, Ц. 2 р. 50 к.

Складъ въ книжномъ магазинѣ А. М. МИХАЙЛОВА.
Москва, Моховая, уг. Тверской, д. Варвар. Акц. О-ва.
Телефонъ 1-20-95.